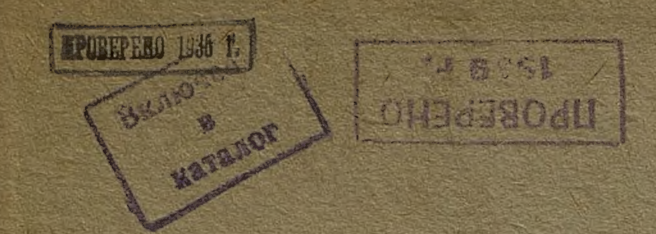
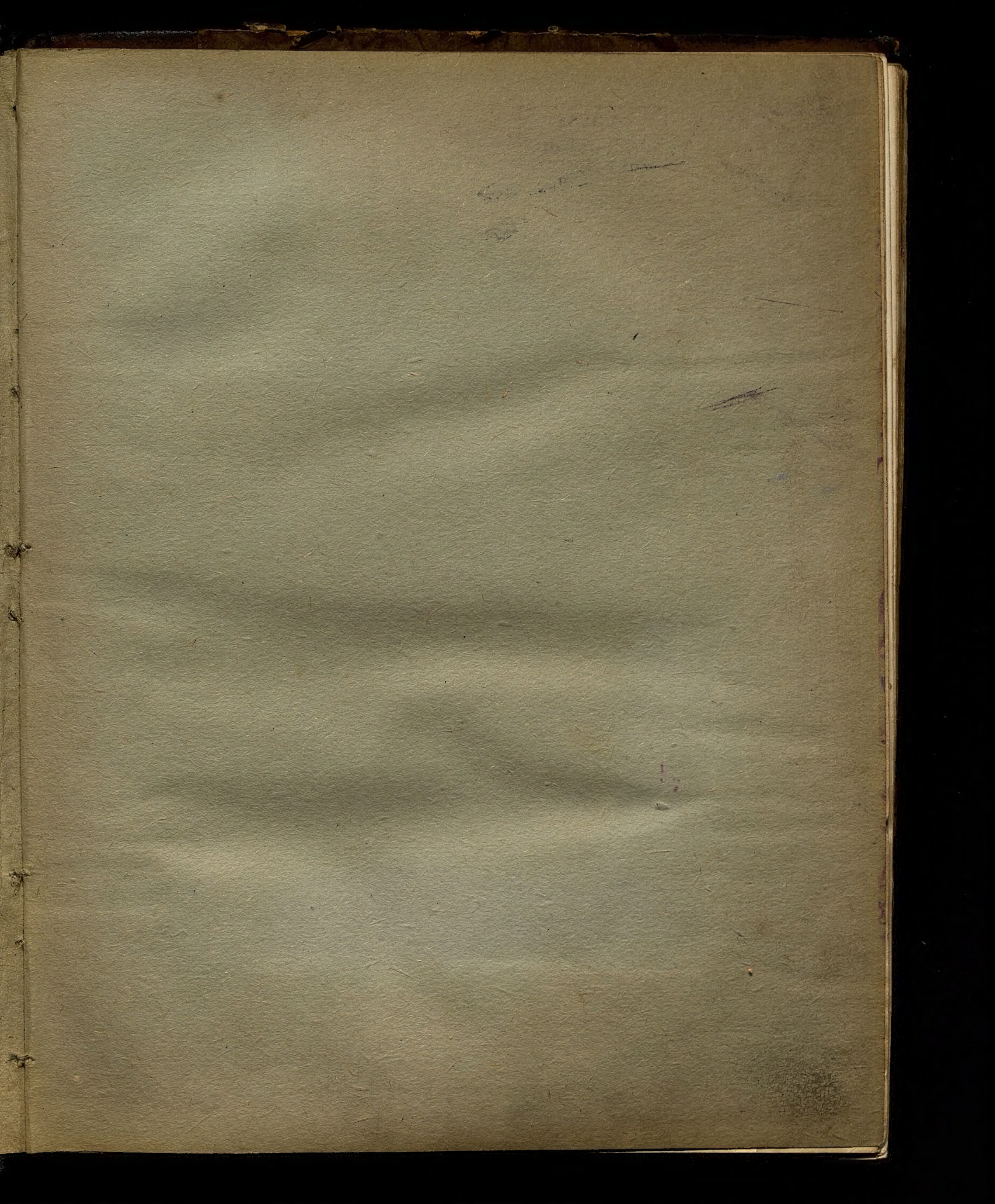
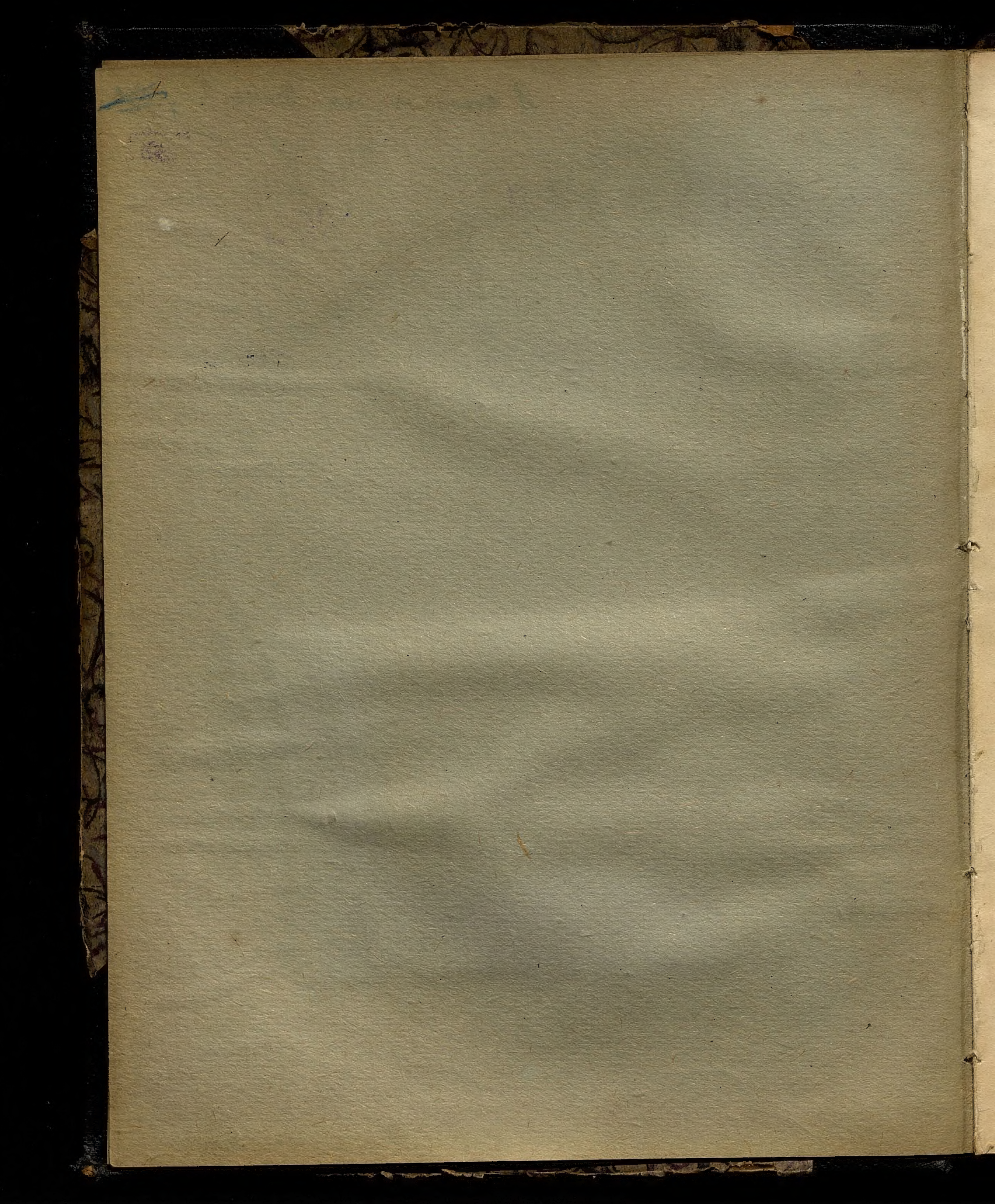
ТИБЕТ
И
ДАЛАЙ-ЛАМА.

П. К. КОЗЛОВА,
почетного члена Русского Географического Общества.

ПЕТЕРБУРГ
1920

ПРОВЕРЕНО 1936 г.
Включ. в каталог
ПРОВЕРЕНО

ТИБЕТ
И
ДАЛАЙ-ЛАМА.

П. К. КОЗЛОВА,
ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

ПЕТЕРБУРГ
1920

СЪ 8-Ю ФОТОТИПИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ
И 74-Ю РИСУНКАМИ В ТЕКСТЕ.

15-ая Государственная типография. Петроград, Звенигородская, 11.

Т. III.

Восточный Тибет, бассейн верхнего Меконга.

ВВЕДЕНИЕ.

«Без знанья нет и созерцанья;
Без созерцанья знанья нет:
В ком созерцанье, свет и знанье,
Тому преград к нирване нет».

Тибет—высокий и заветный край, привлекает внимание европейцев-путешественников малоизвестностью своей оригинальной природы и едва-ли не более всего замкнутостью своих главных центров и монастырей, в особенности Лхасы—столицы Тибета, резиденции буддийского первосвященника далай-ламы...

В запретную дверь Тибета тщетно стучались Пржевальский, Кэри, Литльдэль, Бонвало с принцем Орлеан, Свен-Гедин и другие путешественники. Тем не менее, все они должны были уступить фанатизму тибетского народа и с болью в сердце повернуть в иную сторону.

Мой учитель Н. М. Пржевальский особенно настойчиво стремился в сердце Тибета и в свое третье путешествие, стоя у цели его, вынужден был сказать (на решение важных сановников Тибета не пропускать русских в Лхасу): «Пусть другой, более счастливый путешественник, докончит недоконченное мною в Азии. С моей стороны сделано все, что возможно было сделать»... В этих простых, искренних словах великого путешественника передавалось завещание его последователям...

Таким образом, европейские исследователи не проникали в центральный Тибет, под которым, как известно, подразумеваются две провинции Уй и Цзан. На их долю выпадали другие части Тибета, с которыми они в значительной степени и познакомили свет. Однако, несмотря на то, что центральный Тибет после 1845 года европейцами не посещался, по крайней мере в главных его частях, тем не менее, литература о нем растет, и ученый мир знает о Тибете весьма многое. Тибет ежегодно по-

сещается русско-подданными бурятами и калмыками вот уже непрерывно свыше сорока лет... Многие из этих паломников вели свои записки или составляли воспоминания о Тибете. Кроме русских, изучением центрального Тибета усердно занимались англичане, командируя из Индии пандитов—обученных съемке и описательной географии индусов,—из трудов которых наибольшего внимания заслуживает книга Сарат Чандра-Даса. Впрочем, работы последнего Лондонское Географическое Общество не опубликовывало до тех пор, пока не проник в Лхасу наш соотечественник Г. Ц. Цыбиков, в 1899-м году, в качестве образованного паломника. С тех пор, у России и Англии проявляются еще большие стремления попасть в заветную страну, и в то время, когда первая вела войну с Японией, вторая, в 1904-м году снарядила дипломатическую или вернее военную экспедицию в Лхасу...

Движение английского военного отряда в глубь Тибета, ряд стычек и избиение тибетцев англичанами у «источников хрустального глаза» вынудило главу Тибета поспешно искать спасения на севере, в Монголии...

Монголия и Китай приютили буддийского владыку на целых четыре года, прежде нежели политические события позволили Далай-ламе [1]) завязать лучшие отношения с Россией и последним китайским императором и отправиться домой в Лхасу. По дороге в Тибет, Далай-лама довольно долго отдыхал в одном из больших амдоских монастырей—Гумбуме, родине знаменитого реформатора буддизма Цзонхавы, последователем учения которого, между прочим, является и сам тибетский первосвященник.

Во время моей Монголо-Сычуаньской экспедиции, весною в 1909-м году, я посетил вторично хорошо известный мне монастырь Гумбум, где в течение двух недель имел возможность ежедневно видеть, беседовать и изучать Далай-ламу, с которым я уже был знаком по Урге, 1905-го года, выражая ему тогда приветствие от Русского Географического Общества.

После второй встречи с Далай-ламой я имел основание мечтать о выполнении самого главного из заветов моего учителя—посещении Лхасы. Но судьба устроила иначе... Разгорелась европейская война, и меня не пустили. До сего времени,

---

1) Когда речь идет о современном Далай-ламе — слово «далай» начинается с большой буквы, чтобы скорее отличить это частное понятие от общего, или нынешнего Далай-ламу от далай-лам прежних перерождений.

я не могу понять, каким доводом мотивировало мою задержку бывшее старое правительство? Что я мог представить собою здесь или даже на войне с своими спутниками, в количестве двадцати с небольшим человек. Я глубоко верил только в один исход [1]): отправиться в Тибет, использовать время, отпущенные средства, превосходное снаряжение и новое доверие Географического Общества... Тот состав экспедиции, горевший нетерпением отправиться в путешествие, по моему мнению, стоял на высоте задачи, и мог добыть много нового, интересного... Все мои спутники были один другого лучше: ведь я их выбирал более строго, нежели выбирают невест...

Первый раз в моей жизни судьба не пощадила меня... а может быть, и пощадила... Ожидая лучших дней, я составил отчет о «Монголо-Сычуаньской» экспедиции; к сожалению, еще не успел его напечатать. Я очень истомился, проживая вне активной деятельности в родной для меня тибетской атмосфере, и благосклонный читатель поймет мое желание взяться за перо и чуть-чуть забыться в беседе с ним: о Тибете, Лхасе и о том Тибетском первосвященнике, которого я много, много раз видел и слышал...

Вместе с тем в этот труд вложена и основная мысль: *«как установить сношения России с Тибетом?»*

---

[1]) Этот исход поддерживало подавляющее большинство вообще, и все географы исследователи в частности.

ОЧЕРК ТИБЕТСКОЙ ПРИРОДЫ.

«Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны,—ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под именем Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на страшную высоту от 13—15.000 футов. И на этом гигантском пьедестале громоздятся, сверх того, обширные горные хребты, правда относительно невысокие внутри страны, но за то на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны трудно доступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки»...

Тибетское нагорье, где покоятся колыбели рек—Инда, Брамапутры, Салуена, Меконга, Голубой, Желтой, раскинулось, действительно, на громадное пространство. Доступное, приблизительно в средней своей части, в направлении от извилины Брамапутры на Куку-нор, влиянию юго-западного муссона Индийского океана, оно в этом районе летом богато атмосферными осадками. Далее на запад, нагорье еще более возвышается, выравнивается, сухость климата постепенно увеличивается, и травянистый покров высокого плато сменяется щебне-галечной пустыней, справедливо называемой «мертвой землей». По мере же удаления от помянутой климатической диагонали на восток

Тибетское нагорье (14,000 фут. абс. выс.). Исток Хуан-хэ.

и юг, по мере того, как реки, стремящиеся в эти стороны, вырастают в могучие водные артерии, нагорье Тибета все больше и больше размывается, переходя последовательно в горно-альпийскую страну. Долины рек, мрачные ущелья и теснины чередуются здесь с водораздельными гребнями гор. Дороги или

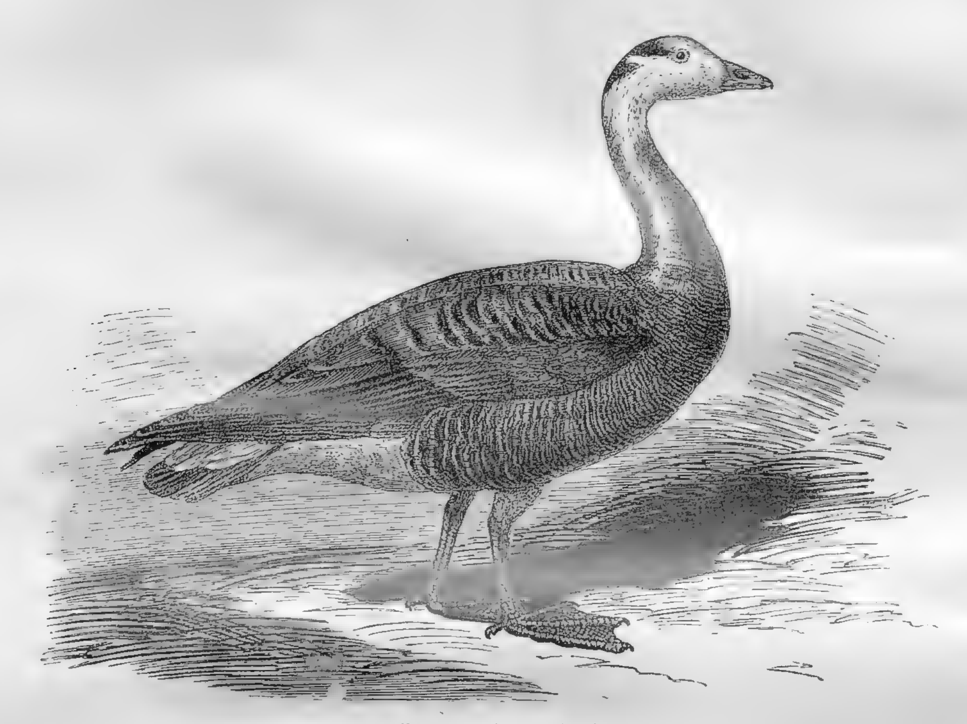

Тибетский медведь (Ursus lagomyiarius) — очень светлый экземпляр.

тропы то спускаются вниз, то ведут вновь на страшные относительные и абсолютные высоты. Мягкость и суровость климата, пышные и жалкие растительные зоны, жилища людей и безжизненные вершины величественных хребтов, часто сменяются пред глазами путешественника. У ног его развертываются или чудные панорамы гор, или кругозор до крайности стесняется скалистыми боками ущелья, куда путник спускается из-за облачной выси; внизу он слышит неумолкаемый шум, по большей части голубых пенящихся вод, тогда как на верху тишина нарушается лишь завыванием ветра и бури...

В северной части Тибета расстилается высокое холодное плато. Спокойный, мягко-волнистый рельеф, прикрытый характерной травянистой растительностью, изобилует оригинальными представителями животного царства: дикими яками, антилопами оронго и ада, дикими ослами и другими, — приспособленными к разреженному воздуху и климатическим невзгодам

копытными. Рядом с травоядными, на соседних глинистых увалах, во множестве населенных пищухами (Lagomys ladacensis), бродят тибетские медведи (Ursus lagomyiarius) не только в одиночку, но нередко и компанией в два-три пищухоеда. Окраска шерсти тибетского медведя сильно варьирует: от черного до чалого и ярко-светлого, чтобы не сказать белого, см. рисунок на 7 стр.

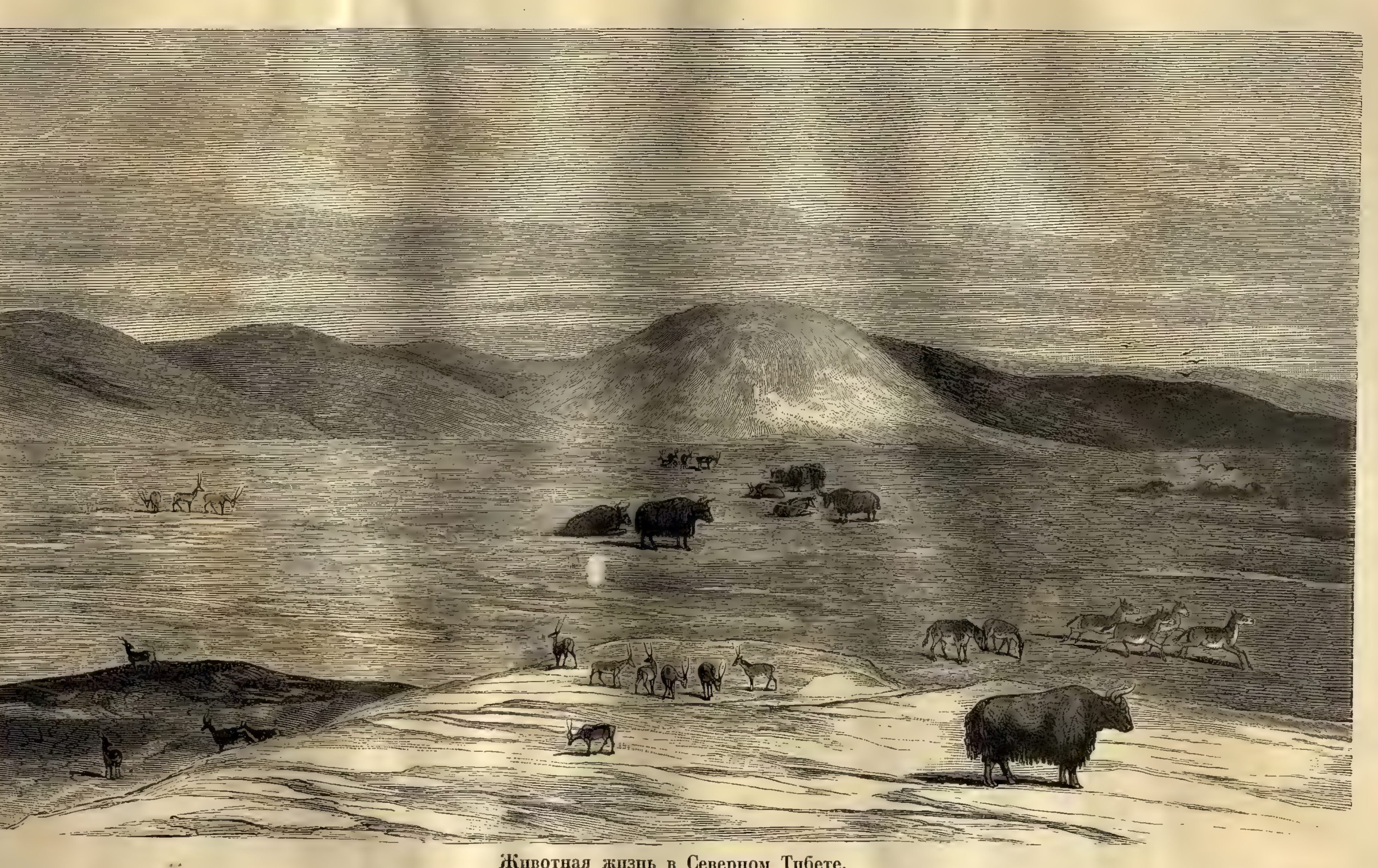

Горный гусь (Anser indicus).

На речках и озерах летом держится много плавающих и голенастых пернатых; среди первых наибольшего внимания заслуживает индийский гусь (Anser indicus) [1], а среди вторых—черношейный журавль (Grus nigricollis), открытый Н. М. Пржевальским.

Кочевники-тибетцы, появляющиеся здесь лишь изредка в виде охотников, золотоискателей или просто грабителей-разбойников, не нарушают привольной жизни млекопитающих. Пу-

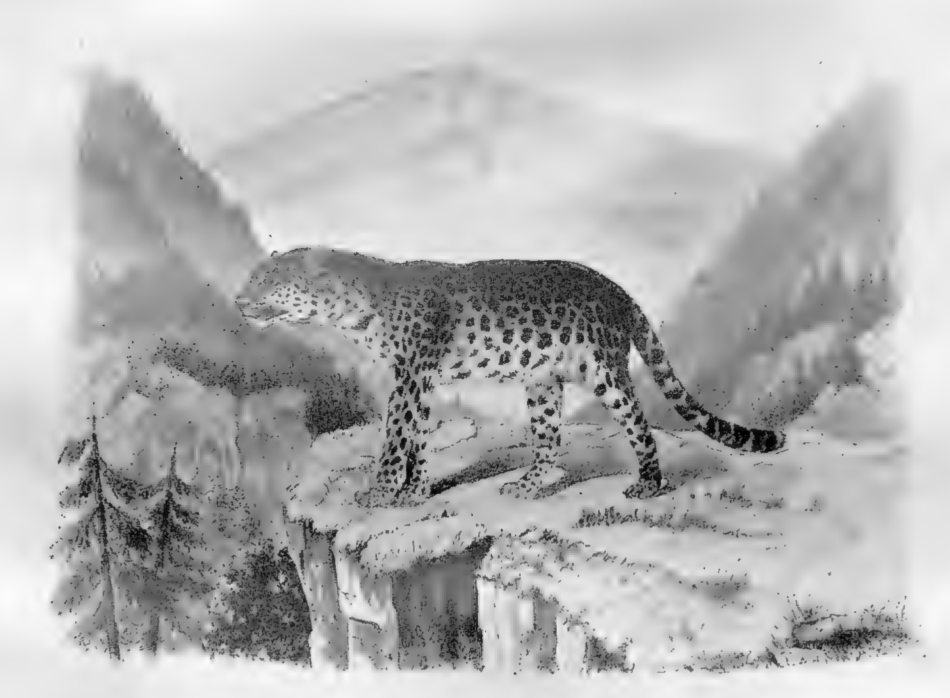
1) Индийский или правильнее горный гусь впервые добыт в Индии и потому назван знаменитым Латамом индийским (Anser indicus); этот красивый гусь, действительно, водится только в горах и на высоких плоскогорьях Центральной Азии и Тибета и заходит в Туркестан. Гнездится исключительно по горным болотам и речкам или по озерам высоких плоскогорий. С прилета, горный гусь держится в небольших стайках. В период спариванья гусак нередко гоняется за гусынею на лету и при этом кувыркается, подобно черному ворону.

Животная жизнь в Северном Тибете.

тешественнику в этих местах нужно быть крайне осмотрительным, чтобы не подвергнуть себя неприятной случайности...

В летнее время, в рассматриваемой части тибетского нагорья, погода характеризуется преобладающей облачностью, обилием атмосферных осадков, выпадающих в виде снежной крупы, снега и дождя. Ночной minimum температуры частенько ниже нуля. Однако, не смотря на все это, местная флора, веками приспособленная к борьбе за существование, произрастает

Леопард (Felis fontanieri); 1/30 наст. вел.

сравнительно успешно и в теплые солнечные проблески ласкает взор своими яркими колерами.

В другие времена года погода на севере тибетского нагорья выражается господствующими с запада сильными бурями, в особенности весною, кроме того соответственно низкой температурой, несмотря на столь южное положение страны, и крайнею сухостью атмосферы; результатом этой сухости воздуха является почти полное отсутствие снега в долинах даже зимою, когда иначе было бы невозможно существование здесь многочисленных стад диких млекопитающих.

В южной части тибетского нагорья характер местности круто изменяется: к голубой выси неба поднимаются скалистые цепи гор, между которыми глубоко залегает лабиринт ущелий с стремительно бегущими по ним ручьями и речками. В замечательно красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива; на дно, к берегам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красная и белая рябины; все это перемешано массою разнообраз-

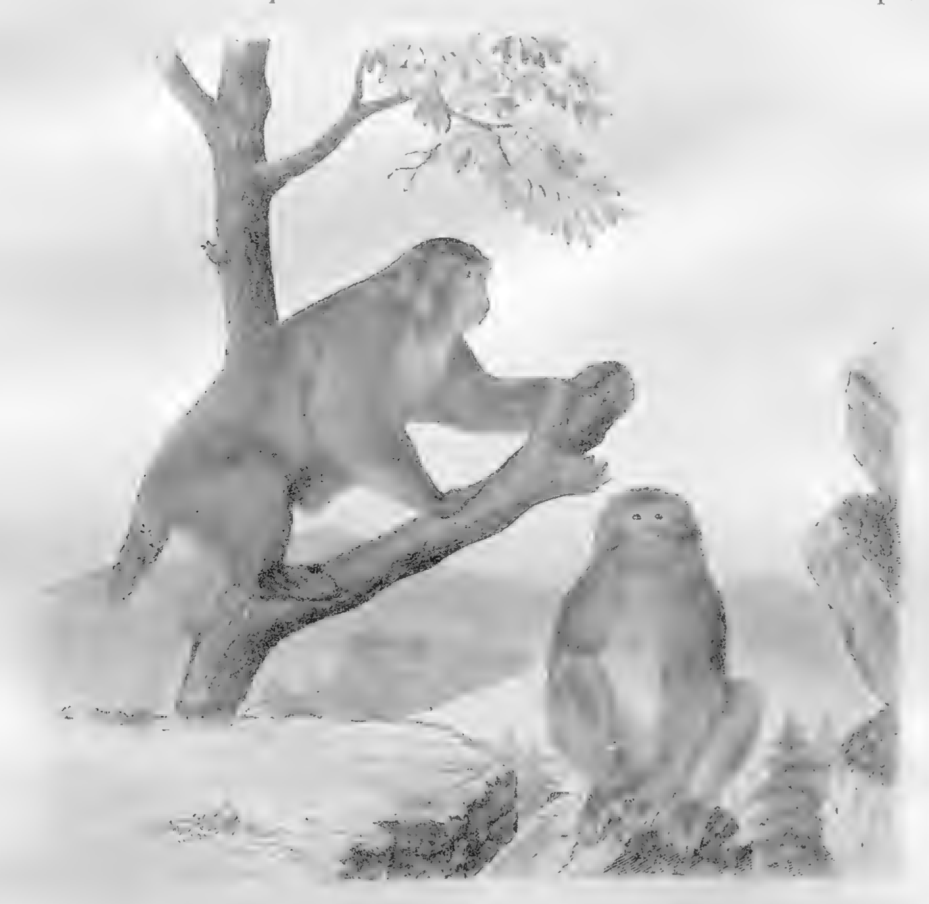
Степная кошка (1/10 наст. вел.),

нейших кустарников и высокими травами. В альпах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов из незабудок, генциан, хохлаток, Saussurea, мытников, камнеломок и других.

В глубоких, словно спрятанных в высоких горах, ущельях водятся красивые пестрые леопарды, рыси, несколько видов более мелких кошек [1]), медведи, волки, лисицы, большие летяги, хорьки, зайцы, мелкие грызуны, олени, мускусная кабарга, китайский козел (Nemorhoedus) и наконец обезьяны (Macacus vestitus), живущие большими и малыми колониями нередко в ближайшем соседстве с человеком.

[1]) Некоторые из них забегают и в долины, см. рисунок на этой странице.

Что касается пернатого царства, то среди последнего замечено еще большее богатство и разнообразие. Особенно резко бросаются в глаза белые ушастые фазаны (Crossoptilon thibetanum [1]), зеленые всэре (Ithaginis geoffroyi), кундыки (Tetraophasis szechenyi), рябчики (Tetrastes severzowi), несколько видов дятлов и порядочное количество мелких птичек из отряда

Обезьяны (Macacus vestitus), 1/12 наст. вел.

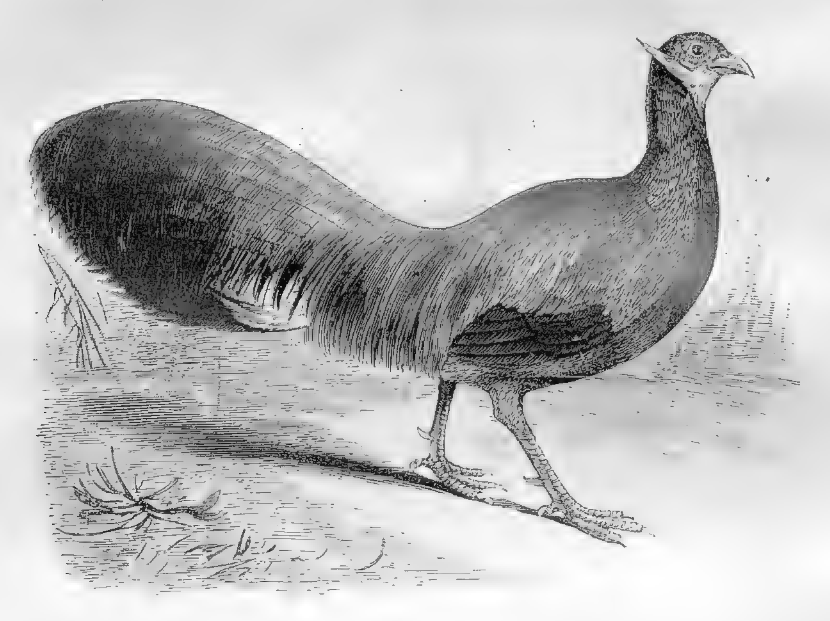
воробьиных. В поясе скал и россыпей, по утрам и вечерам, раздается звонкий свист горной индейки или уллара (Megaloperdix thibetanus). См. рисунок на 16 странице.

В ясную, теплую погоду в красивых уголках южного Тибета натуралист одновременно услаждает и взор и слух. Свободно и гордо расхаживающие по лужайкам стаи фазанов

[1]) Тогда как его собрат—голубой ушастый фазан (Crossoptilon auritum) любит держаться более скрыто, и в местности наиболее скалистой и размытой. (Рис. на 12 стр.).

или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба снежные грифы [1]) и орлы невольно приковывают глаз; пение мелких пташек, раздающееся из чащи кустарников, ласкает ухо.

Летом погода в южном Тибете непостоянная: то ярко светит солнце, то падает дождь; иногда неделями густые свин-

Голубой фазан (Crossoptilon auritum).

цовые облака окутывают горы почти до их подошвы. Выглянувшее солнце жжет немилосердно в разреженной атмосфере.

Лучшее время—сухое, ясное—наступает осенью.

Зима сравнительно мягкая, малоснежная. Значительные реки не знают ледяного покрова, хотя второстепенные речонки и ручьи в декабре и январе бывают прочно скованы льдом. Редко падающий снег или тает по мере своего падения или же испаряется к вечеру следующего дня; словом, южные скаты

---

1) Снежный гриф (Gyps himalayensis) весьма распространен не только в Гималаях, но по всему Тибету и Тян-Шаню. Никогда не преследуемая в Тибете человеком, наоборот постоянно получающая от него подачки в виде мертвых тел, эта громадная и осторожная птица ведет себя крайне доверчиво. Странно с непривычки видеть, как могучая птица, имеющая около девяти футов, в размахе крыльев, пролетает всего на несколько десятков шагов над палаткою или над головою, даже слышен дребезжащий шум ее крыльев, и тут же опускается на землю. Тот же гриф порою парит так высоко в небе, что бывает заметен в бинокль в виде маленькой движущейся точки. (См. рисунок на странице 47).

гор всегда свободны от этого осадка, и только северные склоны или верхний пояс гор чаще покрываются слоем снега, хотя и не столь значительным по толщине. Вслед за выпавшим снегом атмосфера и без того прозрачная еще более проясняется,

Зеленый всэре (Ithaginis geoffroyi), 1/6 наст. вел.

а небо принимает густую синеву, особенно перед закатом солнца. По ночам планеты и звезды ярко блестят.

В конце февраля температура быстро повышается: горные ручьи журчат, франколины и кундыки токуют, ягнятники бородатые поднимаются на страшную высоту и там ликуют, потрясая воздух своими весенними голосами.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ.

Территория с тибетским населением, подвластная с начала XVII-го столетия Дай-цинам и известная ныне под именем Тибет, пользовалась вначале полною автономиею под верховным управлением далай-ламы и разделялась на четыре провинции: У (Уй), Цан (Цзан), К'ам и Нгари (К'орсум). Однако, с течением времени, Дай-цины, следуя своей общей политике в отношении инородцев, стали постепенно, почти незаметно для самих тибетцев, усиливать свою власть над их территориею, причем часть ее подчинили надзору властей соседних провинций Собственного Китая, для наблюдения же над более отдаленными от последнего землями назначили в Лхасу своего постоянного представителя—амбаня [1]). Вместе с тем принимались меры к

---

[1]) «Регулярные сношения Китая с Тибетом», пишет Rockhill (The Dalai lamas of Lhassa and their ralations with the Manchu Emperors of China 1444—1908 by W. W. Rockhill): «установились в VII, VIII и IX вв. по Р.-Х., когда наступил расцвет силы Тибета. Армии последнего совершали свои победоносные походы в Индию, Центральную Азию и Китай»...

В Китае тибетцы некоторое время владели значительною частью нынешних провинций: Гань-су, Сы-чуань и Юнь-нань. Они занимали однажды даже г. Чэн-ду-фу, тогдашнюю столицу императоров Танской династии 618—960 г., и на престоле Китая был их ставленник.

В то время тибетцы были союзниками багдадских халифов, которых они поддерживали силою своего оружия.

С падением политического влияния, Тибет выступает вскоре в выдающейся роли религиозного руководителя буддистов-ламаитов.

После политических сношений Китая с Тибетом в вышеуказанную эпоху наступает реакция: Тибет утратил былое могущество, и Китаю нечего было его бояться.

В XIII в. начинается новая эра в истории Тибета, когда эта страна постепенно приобретает положение религиозного руководителя и, благодаря этому, начинает влиять на политику Китая.

В 1260 г. Хубилай, занявший императорский престол в Китае, жалует Дрогоннаксбе титул императорского наставника, признает его главою буддийской веры и величает «князем великого драгоценного (буддийского) закона».

Сношения монгольской династии с Тибетом ограничились однако этим, и монгольская армия не ходила далее провинций: Гань-су, Сы-чуань и Юнь-нань.

При Юаньской (монгольской) династии и затем Минской (1368—1444) многие ламы Тибета получали пышные титулы и подарки, посылая в свою очередь дары

ослаблению власти далай-ламы и к устранению его от действительного участия в управлении. Кроме того, другие высшие иерархи Тибета стали претендовать на верховную власть над разными областями в ущерб правам далай-ламы, и китайское правительство отнеслось к подобным притязаниям довольно благосклонно.

В настоящее время территория, населенная тибетцами и входившая в состав Китая, делится на ряд почти независимых

Кундык или кулюн (Tetraophasis szechenyi), 1/16 наст. вел.

друг от друга владений, которые в порядке подчинения центральному правительству, распадаются на три следующие группы:

китайскому двору, но дело этим и ограничивалось, и о политическом влиянии Китая на Тибет не было и речи.

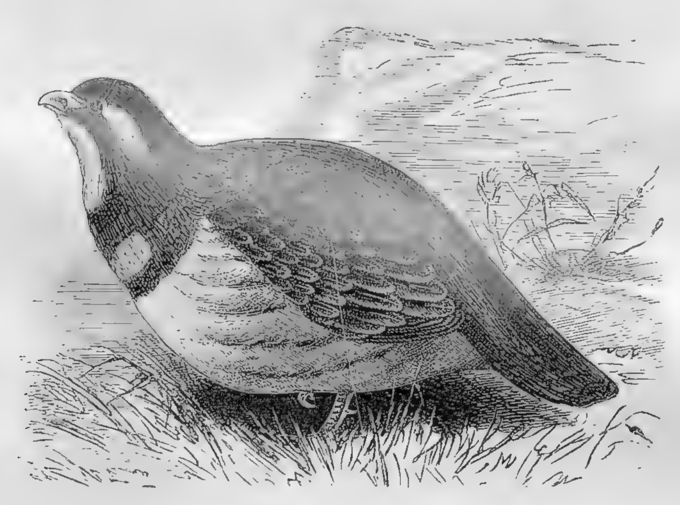
Первый император манджурской династии Шунь-чжи, по восшествии на престол, неоднократно тщетно приглашал к себе в Китай пятого далай-ламу, в целях завести с ним дружеские отношения и добиться всевозможных выгод Китая в Тибете, тем более, что в это время Тибет гремел славою желтошапочной секты Цзонхавы, во главе которой стоял тот же далай-лама, имевший огромное влияние и на тангутов и на монголов.

Наконец пятый далай-лама принял третье любезное приглашение Шунь-чжи, посещение состоялось в 1652 году в 10-м месяце. Почести, оказанные далай-ламе, свидетельствовали, что китайцы видят в лице его независимого государя, сношения с которым крайне полезны и необходимы Китаю.

После этого, действительно, сношения Китая с Тибетом сделались обычным явлением, и в XVIII столетии, при седьмом далай-ламе, в Лхасе учредилось правление

Северо-восточная часть указанной территории, включая сюда Куку-нор [1]) и Амдо, населенная, кроме тибетских кочевых поселений, еще и монголами, подчинена ведению Сининского цинцай'я.

Юго-восточный угол включен в состав китайской провинции Сы-чуань и подчинен непосредственно генерал-губернатору

Уллар (Megaloperdix thibetanus).

последней. Важнейшими городами здесь являются: Батан, Литан и Да-цзян-лу.

Вся остальная часть рассматриваемой территории, значительно превосходящая по своим размерам две других и соста-

китайского «да-женя»—политического агента или, как сами китайцы его называли, посредника между Пекинским и Лхаским дворами. Однако, первый такой посредник вскоре был убит тибетским ханом Журмед Намчжилом—светским правителем Тибета—за вмешательство не только во внешнюю политику, но и во внутренние дела Тибета.

Воспользовавшись этим случаем, китайцы назначили в Лхасу своего резидента, с конвоем, передав власть суверенного правителя—тибетского хана, самому далай-ламе. При десятом далай-ламе китайское правительство издало декрет, коим Тибету запрещалось иметь сношение по государственным вопросам с иностранцами. Это первый шаг вмешательства и желание подчинить Тибет своему неограниченному влиянию; хотя рядом с этим Китай заключал с Тибетом договоры о вечном мире и согласии. Такого рода договоры увековечены на каменных монументах, поставленных в Тибете.

Таким образом, до ближайшего времени, Тибет являлся государством, находящимся под протекторатом Китая.

[1]) Озеро Куку-нор лежит на большом пути богомольцев, следующих из Монголии в Тибет, и покоит свои голубые соленые воды на высоте 10.500 футов над уровнем моря, в превосходной пастбищной долине. Простираясь в окружности до 350 верст, Куку-нор имеет почти в середине остров Куйсу, на который впервые сплавали и изучили его двое членов Монголо-Сычуаньской экспедиции Русского Географического Общества. В административном отношении под словом Куку-нор подразумевают целую область.

вляющая Собственный Тибет, до последнего времени закрытый для иностранцев, находилась под надзором лхаского резидента.

Монастырь К'гардии-гомба, в вост. Тибете.

Доныне в памяти народа, повидимому, утверждает В. Л. Котвич, крепко держится деление Собственного Тибета на четыре, отмеченные выше, провинции, но в административном отноше-

нии это историческое деление уже утратило в значительной степени практическое значение. В действительности он является в настоящее время разделенным на несколько автономных владений, установить точные границы которых не представляется однако возможным в виду существования спорных областей.

Главную часть из этих владений составляют земли, признающие над собою власть далай-ламы; общую численность подведомственного ему населения французский путешественник Дютрейль де Ренс определяет в $1^1/_2$ миллиона душ, в том числе триста тысяч монахов. Центром этого владения является провинция У или Уй, но в состав его входят области и других провинций, и вообще далай-ламское правительство не упускает случая к расширению своей власти.

Затем следует область, подчиненная второму тибетскому святителю, перерожденцу будды Амитабы «будды Беспредельного света»—Банчэнь-ринбочэ, пребывающему в монастыре Дашийлхунбо близ г. Шихацзэ. [1]) Ему подчиняется до ста тысяч человек, проживающих преимущественно в провинции Цан; но его авторитет распространяется и на другие местности, как, например, Амдо, где он назначает настоятелей монастырей племени н'голок.

---

1) Основателем монастыря Дашийлхунбо был ученик и последователь Цзонхавы, Гэндунь-дуб, который считается, как говорит Г. Ц. Цыбиков, («Буддист паломник у святынь Тибета». Петроград. 1918. Стр. 364) первым далай-ламой и жил с 1391 по 1475 год. В 1414-м году он отправился в Уй и в монастыре Дашийдонха впервые встретился с Цзонхавой, который сразу приблизил его к себе и не разлучался с ним до конца жизни. После смерти Цзонхавы он продолжал пребывать в Уе, где всюду проповедывал желтошапочное учение и в 1447-м году нашей эры положил основание монастырю Дашийлхунбо.

«Когда под'езжаешь к монастырю», пишет там же Г. Ц. Цыбиков, «то первыми бросаются в глаза пять золотокровельных храмов, стоящих по одной линии с востока на запад. Они почти одной формы и содержат в себе субурганы—надгробия пяти банчень-ринбочэ или банчень-эрдэни. Стены этих зданий сложены из каменных плит и окрашены в коричневый цвет, крыши в китайском стиле из золоченых листов красной меди. Они строились в разное время с востока на запад, так что могила первого банчэня находится на восточном краю, а пятого—на западном...

«Между усыпальницами первого и второго банчэней находится дворец сих перерожденцев»...

Дворец этот сами монахи зовут «Гадам-побран». На восточной стороне, рядом с дворцом, находится здание цокчэнского дугана, главной святыней коего считается статуя Шакьямуни, вылитая еще при Гэндунь-дубе.

На северо-восточном краю монастыря выдается громадная стена—щит, выстроенный с пустым пространством внутри, с окнами и дверью с боков. Эта стена предназначена для выставления на ней большого изображения будд в день годового праздника...

Т. III

Даший-лхунбо и Шихацзэ-цзон.

Глава секты сакья, имеющий резиденцию в монастыре

«Монастырь этот, по образцу лхаских, делится на факультеты, из коих три богословских и один тарнистический».

Во всех дацанах насчитывают до четырех тысяч монахов, хотя постоянно живущих из них в Дашиї-лхунбо едва-ли более двух с половиною тысяч.

Главой монастыря является перерожденец банчэнь-эрдэни, который назначает по одному настоятелю в каждый дацан с пожизненною властью...

Современный VI банчэнь-ринбочэ Гэлэг-намчжил.

Почти в одной версте на северо-восток от монастыря, на отдельной горке находится полуразрушенный старинный замок Шихацзон или Шихацзэ, носящий еще название Сам-дуб-цзэ, принадлежавший прежде светским правителям этой провинции. Говорят, что Цзанба, владелец этого замка, оказал упорное сопротивление Гуши-хану, которому стоило немало труда взять замок...

К востоку от замка, на берегу реки Цзанбо-шяр, находится один из загородных дворцов банчэней, окруженный обширным садом. Рядом с дворцом несколько зданий, среди которых выделяется храм, где банчэнь дает аудиенции высшим представителям духовной и светской власти, а также принимает поклоняющихся богомольцев... В

того же имени [1]), пользуется правами по управлению последователями этой секты. Равным образом и приверженцы старой религии—бон-по, живущие главным образом в области Чжядэ, в провинции Кам, не признают над собою власти буддийских иерархов, образуя автономные владения.

Все эти многочисленные владения Собственного Тибета об'единялись между собою общею зависимостью от лхаского резидента. Кроме того, повторяю, влияние и могущество желтошапочной буддийской секты гэ-луг-па здесь настолько велико, что ее глава далай-лама распространял, а теперь еще

саду на цепи молодой слон и тибетские медведи, в конюшнях любимые породистые лошади банчэня, вывезенные из Европы через Индию.

«Одним из трех великих лам иерархии современного ламаитского мира, как известно, является хозяин монастыря Даший-лхунбо, перерожденец банчэнь-ринбочэ, коих монголы и официальный язык пекинского правительства зовут «банчэнь-эрдэни». Генеалогию, или точнее, поколения перерождений знаменитых лам ламаиты выводят от времен будды Шакьямуни, а ближайшим образом от современников основателя ламаизма, Цзонхавы. Так говорят они, что банчэнь-эрдэни был во времена Цзонхавы его учеником Хайдуб-гэлэг-балсаном; далай-лама—другим его учеником Гэндунь-дубом и, наконец, ургинский хутухта—Чжамьяном-чойрчжэ-даший-балданем. Но, как известно, в первое время у последователей Цзонхавы не было в обычае отыскивать и воздавать почести перерожденцам. Культ их начался гораздо позднее, и, в частности, первым банчэнем считается лама Ловсан-Чойчжи-чжялцань, который родился в долине Рона в 1570 году.

Имя второго банчэня было Лобсан-ешей (1664—1737?).

«Третий, знаменитый банчэнь, современник императора Цянь-луна, родился в 1740 году и назывался Балдан-ешей. Он был замечательно способный дипломат и писатель. В своих сочинениях он между прочим развил мысль, на которую намекали его предшественники, что банчэнь будет двадцать пятым ханом Ригдан-дагбо, который будет главенствовать над буддистами в так называемой «северной войне Шамбала», в которой буддисты будут сражаться с иноверными—лало... Он умер в 1780 году.

Четвертый банчэнь, также известный своими многотомными сочинениями, именовался Данбий-ньима—солнце религии» (1781—1854).

Пятый банчэнь Данбий-ванчуг (1855—1881) был, повидимому, человек очень своехарактерный и замечательно способный. Будучи по званию главой желтошапочного учения в этой стране, соседней с влиятельной красношапочной сектой сакья, он не довольствовался своим учением и с увлечением занялся законоучениями названной секты. Свои занятия он довел до того, что открыто принял некоторые наставления от Сакья-пандиты, что переполнило чашу терпения его приближенных, а также монахов монастыря Даший-лхунбо. Последние подняли смуту; предводительницей недовольных была родная мать банчэня, женщина, умевшая, повидимому, с большим искусством разжигать страсти, потому что банчэнь однажды, как говорит предание, в досаде воскликнул: «Ах, как хорошо было бы иметь немую мать»!

Современный или шестой перерожденец, родившийся в 1882 году, имеет полное имя Ловсан-тубдань-чойчжи-ньима-гэлэг-намчжал или, как проще называют его, Гэлэгнамчжал. Родиной его считается южная часть провинции Уй...

[1]) Сам-ий является первым, по времени своего основания, монастырем Тибета. По преданию, он основан в 811-м году ханом Тисрон-дэвцзаном при помощи известного проповедника буддизма Бадма-Самбавы, именуемого тибетцами чаще Ловбончэнь-бо или Ловбон-Бадма-чжуннай.

больше распространяет, свой авторитет, как духовный, так и политический на всю территорию, населенную тибетцами.

Сношения Тибета с соседними странами, при описанных выше топографических его особенностях, представляют громадные трудности, и главную из них составляет отсутствие удобных путей сообщения.

То, что разумеется в Тибете под именем лам—дорога или даже чжа-лам—большая дорога, представляет на деле узкую тропинку, идущую по глубоким лощинам или ущельям, пересеченным местами бурными потоками, очень трудно, а подчас и вовсе не переходимыми в брод; мосты же на подобных потоках попадаются сравнительно очень редко. Часто дорога идет по крутым утесам, достигающим 15—16.000 футов абсолютной высоты с обледенелыми или снежными склонами. Иногда дорога узкою лентою вьется по карнизу скал, нависших над пропастью, и загромождена камнями или, наоборот, изрезана рытвинами так, что два завьюченных быка или яка едва могут пройти рядом. Для таких дорог лучшим животным является тибетский як. Благодаря устойчивости ног, як проходит по самым опасным местам. Як не прихотлив в корме и всегда довольствуется, сравнительно, небольшим количеством тибетских жестких трав—«шириков». Отрицательными качествами яка служат лень и упрямство, вследствие чего он годится лишь для небольших переходов; кроме того его нельзя употреблять для перевозки тяжелых и в особенности хрупких предметов, так как як в группе не идет вереницей, как ходят верблюды или лошади, а следует обыкновенно беспорядочной толпой, теснясь и беспрестанно толкая друг друга. В горах яки идут медленно, в долине же вдвое быстрее, тем не менее лошадь осиливает в один день два яковых перехода. В виду этого туземцы нередко предпочитают лошадей, в крайнем случае—хайныков, то есть помесей яка с коровою, которые довольно послушны, сильны, имеют обыкновение следовать гусем, но которые и ценятся раза в три-четыре дороже яка...

НАСЕЛЕНИЕ ТИБЕТА.

Численность населения Тибета определяется около четырех миллионов, при чем на центральный Тибет приходится значительно свыше миллиона.

Тибетцы делятся на кочевых и оседлых.

Кочевые тибетцы имеют рост средний, реже большой, сложение плотное, коренастое, глаза большие, но не всегда косые,

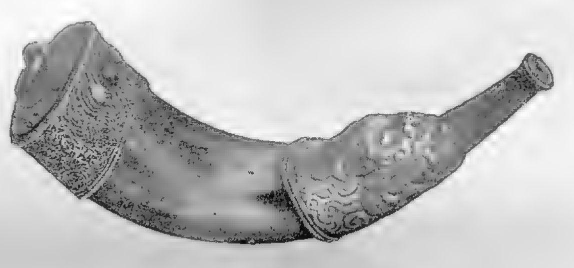
Группа тибетцев.

черные; нос не сплюснутый, иногда даже орлиный; скулы обыкновенно не слишком выдаются; уши средней величины; волосы черные, грубые, длинные, спадающие на плечи; подстригаются эти волосы лишь на лбу, чтобы не лезли в глаза; усы и борода почти не растут, притом, вероятно, их выщипывают; зубы отличные белые, хотя встречаются и уродливо-посаженные;

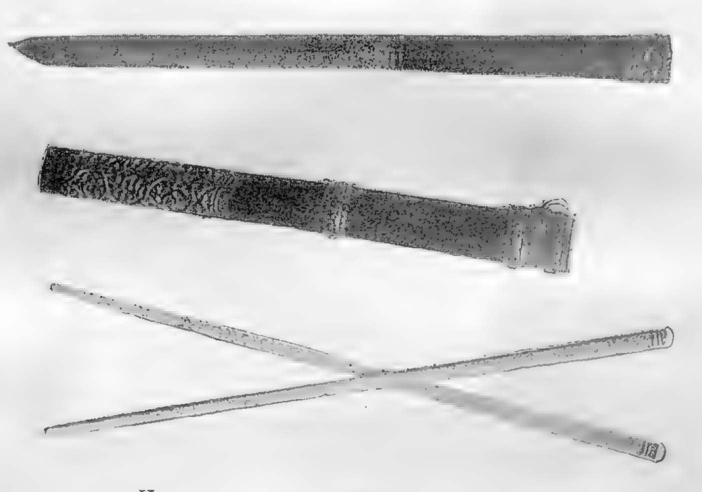
череп в общем более удлиненный, нежели округлый; цвет кожи грязно-светло-коричневый, чему отчасти способствует и то, что тело никогда не моется. Тибетцы издают сильный, противный запах, более резкий и иной, нежели у монголов, которые также не отличаются благовонием.

Что же касается до оседлых тибетцев, то они крупнее ростом, значительно благообразнее и чище кочевников, в особенности среди достаточного класса, в котором можно встретить довольно приличных молодых мужчин и грациозных, стройных, румяных девушек; еще более интересными представляются дети с живыми блестящими черными глазенками и густыми, часто вьющимися, хотя и коротко подстриженными (у мальчиков кудрями.

Одежда кочевого населения, как мужчин так и женщин, состоит из овчинной нагольной шубы и шерстяного халата; последний надевается только в летнее время, да и то не всеми и не всегда; в главном же употреблении первый костюм, который мужчины, подобрав высоко, подпоясывают таким образом, что вокруг верх-

Табакерка.

Нож и палочки, заменяющие вилку.

ней части туловища образуется нечто вроде большого мешка,

куда складывается чашка, запасы курительного или нюхательного табаку и проч.

Тибетки же поднимают свои длинные шубы или халаты, при опоясывании лишь на столько, чтобы они не очень затрудняли движения и не касались земли. И мужчины и женщины

Женщина восточного Тибета.

привешивают к поясному ремню «гирок»—связки ключей; мужчины, кроме того,—огниво, печать, нож, а спереди носят, заткнутую за пояс, саблю.

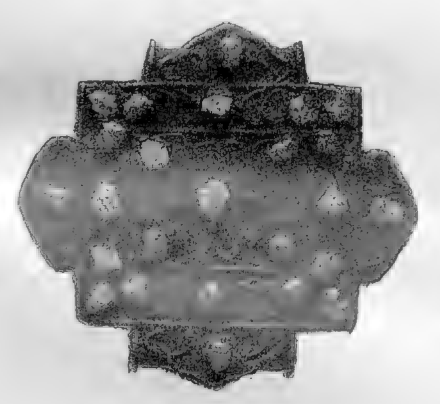
Со штанами знакомы лишь немногие тибетцы. Сапоги же из цветной шерстяной ткани, с подошвою из сыромятной кожи, носят все.

Большинство тибетцев-простолюдинов никогда не чешет

своих длинных волос, отчего шевелюра нередко походит на плотно-сбитые пряди хвоста яка, и голова обыкновенно остается совершенно непокрытою не только летом, но и зимою. Иногда же тибетцы одевают на голову войлочную, с белой матерчатой покрышкой, шляпу, которая имеет высокую тулью и широкие поля; иногда на головах тибетцев встречаются и целые лисьи шкурки, снятые мешком и связанные у головы и хвоста.

Чиновники, как равно и многие из состоятельных обитателей Тибета, в особенности молодежь, довольно внимательно относятся к своим волосам, расчесывая их большим деревянным гребнем и заплетая в целый ряд тонких косиц, сходящихся на затылке в одну большую общую косу, которая украшается солидным кольцом слоновой кости и несколькими обыкновенной величины серебряными кольцами, со вставленными в них цветными камнями... Имеющие подобную косу, тибетцы обматывают ею голову таким образом, что украшения косы ложатся выше лба в виде кокошника.

Только женщины заплетают свои волосы в тонкие многочисленные косицы, которые за спиною разделяются на две равные части, скрепленные посредине и по концам нитками стеклянных бус. На верху головы к волосам, тибетки прикрепляют куски янтаря и коралла, которые располагают на голове в виде венка из цветов, при чем в центре его помещают небольшую искусственную серебряную или медную раковину.

Гау или ладонка.

При одинаково длинных волосах, одинаково подстригаемых только над глазами, а еще больше одинаковыми косицами, у висков, мужчины нередко походят на женщин, тем более, что усы и борода плохо растут у тибетцев, которые к тому же, на досуге, постоянно выдергивают эту растительность по одному волоску специальными щипцами, носимыми при поясном ремне вместе с ножом, ключами, печатью и прочими мелкими принадлежностями.

На шее тибетцы и тибетки носят ожерелье из цветных

камней, а к ожерелью привешивают амулеты и ладонки или «гау», сделанные из серебра или меди. Очень немногие женщины носят на своих, большею частью грязных, руках серебряные кольца и браслеты, а в ушах серьги; такие же серьги, но более массивные и тяжелые, носят и мужчины, обыкновенно в левом ухе.

Кольцо (сложное).

Курящие тибетцы имеют при себе огниво и металлическую трубку, с длинным деревянным чубуком и каменным или стеклянным мундштуком, хранимую за пазухой в мешочке с табаком.

Кольцо (простое).

Тибетские пастухи неизменно бывают вооружены пращой, саблей и кнутом. Сабля – вечная спутница тибетца—носится в видах всегдашней готовности постоять за себя; праща же и кнут,—как средство для управленья скотом. Тибетцы большие мастера в метании камней из пращи, которая, между прочим, входит в состав вооружения тибетских воинов низшего разряда; часто приходилось наблюдать, как пастухи перебрасываются друг с другом речной галькой с одного ската гор на другой, через ущелье. Быстро пролетающие камни свистят подобно пулям, и, мне кажется, что этот-то самый звук и заставляет животных быть послушными воле пастухов. Иногда пастухи на большие расстояния перекликаются своими звонкими, высокими, голосами, или в одиночестве упражняются игрой на местных дудочках.

Трубка.

Огниво.

Кроме сабли, тибетцы располагают и другим холодным оружием—пикой, а из огнестрельного—фитильным ружьем, с сошками.

Как женщины гордятся своими бусами и янтарем, так одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности ружьем и саблей, на украшение которых серебром и цветными камнями тратится немало денег. Боевым видом, молодечеством, удалью в Тибете, как и вообще в Центральной Азии, главным образом, и оценивается достоинство людей, способных быть начальниками. Резвые кони, с хорошим, звонким убранством, уже издали привлекают внимание придорожного населения или встречного каравана. Пестрый — темнокрасный, синий, желтый—наряд очень красит гордых тибетских всадников, в особенности чиновников, перед которыми, как и перед каждым повелительным словом «пэмбу», местные простолюдины смиренно и низко склоняют головы.

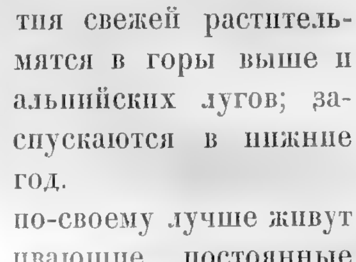
Жилищем для кочевого тибетца служит черная шерстяная палатка — «банаг», формой представляющая несколько удлиненный квадрат. Сверху, вдоль всей палатки, находится отверстие, одновременно служащее и окном и для выхода дыма. Земляной пол в палатке никогда ничем не покрывается, а потому очень грязен, в особенности в дождливое время. Люди спят в палатке либо прямо на земле, либо подостлав под себя войлоки.

Праща. Сабля.

Палатки тибетцев располагаются большими или меньшими группами то в долинах, то в ущельях гор и непременно на покатости. В сухую, ясную, теплую погоду кочевник и его,

не знающие крова, стада чувствуют себя превосходно; другое дело в холодное ненастье или в зимний снежный шторм. Впрочем, обитатели Тибета большие мастера выбирать наиболее подходящие места для каждого отдельного времени года. Зимою они сосредоточиваются на дне глубоких долин, по мере же наступления весны и развития свежей растительности, радостно стремятся в горы выше и выше — до границы альпийских лугов; затем, снова постепенно спускаются в нижние зоны и так из года в год.

Дудочки.

Несколько иначе и по-своему лучше живут оседлые тибетцы, устраивающие постоянные жилища из тонких, реже толстых, бревен или просто из жердей и ветвей, обмазывая стены толстым слоем глины. Изредка тибетские дома возводятся и из дикого камня, в два или три этажа, с галлереями, балконами и крепостными стенками с башенками над воротами. Нижний этаж дома тибетца служит исключительно для загона скота, а остальные для жилья самих хозяев и склада их домашнего скарба; тут же всегда хранится на подвешенных жердях необмолоченый хлеб и сено. Хлеб молотят на плоской кровле нижнего этажа, который для этой цели строится значительно шире верхних. Самая молотьба производится деревянными цепами, напоминающими наши. Заготовленное на зиму сено свивается в длинные жгуты и вешается на изгороди и на ветви ближайших к дому высоких деревьев.

Относительно пищи как кочующие, так и оседлые тибетцы довольствуются преимущественно продуктами молочного хозяйства с значительным прибавлением дзамбы—сухой муки—и кирпичного чая. Оседлые тибетцы едят также репу в печеном виде, но мясом лакомятся очень редко, нисколько притом не брезгая животными, задавленными зверем. Тибетцы едят мясо не только вприсырь, но даже и в совершенно сыром виде.

За отсутствием каких бы то ни было овощей, кроме репы, тибетцы копают корешки «джюмы»—гусиная лапчатка (Potentilla anserina), которая растет в изобилии по долинам речек. В сухом

виде этот продукт сохраняется прекрасно; в Тибете мы лично также охотно питались им, и мне с товарищами неоднократно

Тибетский чиновник.

приходила мысль: почему бы у нас, в России, где это растение также обыкновенно, не сделать попытку добывать и заготовлять

корешки Potentilla anserina, в подспорье к ржаному хлебу, в особенности в период голодовок.

Из горячительных напитков в Тибете известно вино «чан» или «чун», приготовляемое туземцами из распаренного голосемянного ячменя, а из сластей—нечто в роде нашего сахарного песка и так называемый «прром», т. е. мучнисто-медовая твердая масса, в виде маленьких хлебцев, привозимая торговцами из Сы-чуани. Высшее духовенство и чиновники предлагают гостям вместе с прочим угощением и это лакомство.

Занятие кочевых тибетцев заключается, главным образом, конечно, в скотоводстве; многие зажиточные «бок-ба» обладают огромными стадами яков, баранов, понемногу держат также лошадей, хайныков (помесь яка с коровою) и коз. Тибетские лошади, сильные и выносливые, ценятся довольно дорого, несмотря на свой небольшой рост и некрасивые стати; хорошими иноходцами тибетцы также гордятся, как и лучшим оружием. Как и в Монголии, здесь лошадь служит исключительно для верховой езды. В качестве же вьючного животного является неизменный як, который в жизни тибетца вообще играет такую же важную роль, какую у монголов верблюд.

Оседлые тибетцы держат немного скота и засевают свои небольшие поля ячменем, реже пшеницей, произростающей не выше 11.000 футов над морем, а крохотные огороды—только репой.

И кочевые, и оседлые тибетцы по отношению к труду вообще, такие же лентяи, как и монголы. И здесь мужской элемент при каждом удобном случае норовит составить компанию для праздных разговоров. В лучшем случае тибетцы едут на охоту или на грабеж. Домашние же работы ложатся на женщин. В то время как женщина в течение дня трудится, что называется, не покладая рук, мужчина скучает от бездействия и идет к ней на помощь только тогда, когда женщина физически не в состоянии с чем-либо справиться. В качестве носильщика багажа или проводницы чиновника на расстоянии 15—20 и более верст является также женщина. Не надо забывать, что все эти работы исполняются в разреженной атмосфере, на 12—15.000 футов над морем. Верхом на лошади тибетка так же ловка, как и тибетец; поймать из табуна любую лошадь, ухватиться рукою за гриву и, быстро вспрыгнув на спину неосед-

ланного животного, лихо нестись в желаемом направлении—в привычке каждой молодой тибетки; справиться с упрямым яком при вьючке или развьючке—также.

Как и везде, в Тибете имеются болезненные отпрыски человечества—нищие, в большинстве случаев поражающие своей худобой, грязью и рубищем. Одни нищие просят подаяние молча или произнося что-либо шопотом, другие вполголоса с

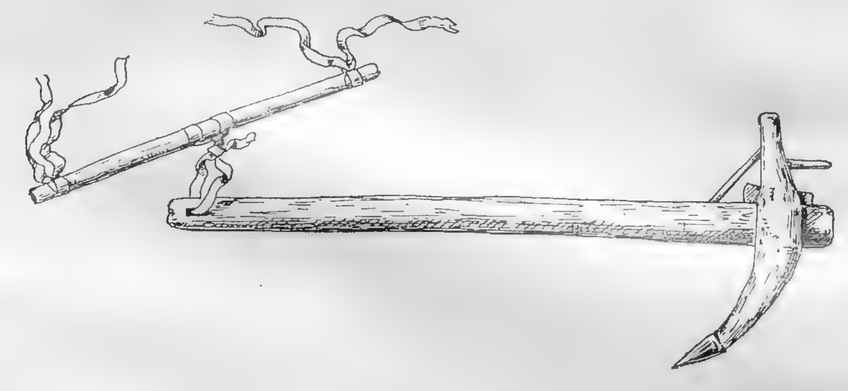

Тибетские нищие.

поклонами, иные громко взывают к божествам, некоторые же одевают на головы маски, изображающие животных или зверей и пляшут перед жилищами; иные нищие ходят с нищенским атрибутом, называемым «дулдуй». Орудие это, изображенное на приложенном к этой странице рисунке, вращающимся, а все нанизанное на нем несколько приподнятым вверх, есть достояние таких нищих, которые состоят под непосредственным покровительством монастырей. Каждый тибетец может пожертвовать на убранство дулдуя, что пожелает: один дает монету, другой раковину, третий чётки, иной кольца, бусы и проч. Нищие с дулдуем громко поют или просто кричат, произнося отрывки из первоначальной истории жизни Будды,

чем дают возможность последователям буддизма лишний раз вспомнить о том, что и их первый учитель имел такой же образ, как и они, проповедуя свое учение.

В марте месяце в Тибете приступают одновременно и к вспахиванию поля и к обсеиванью его зерном. Из земледельческих орудий тибетцы знакомы только с одной примитивной

Тибетская соха.

деревянной сохой с железным сошником, парной или одиночной запряжки; пашут здесь на быках—яках или хайныках,—реже на лошадях.

Интересно, что в период весенних земледельческих работ, в каждом селении раздаются звонкие голоса детей, хором взывающих к Богу о ниспослании на землю хороших урожаев.

В конце августа приступают к уборке хлеба; при жатве употребляют нечто в роде нашего серпа; сжатый хлеб почти тотчас же свозят к жилищам и, по мере просушки, его или обмолачивают или складывают под навес.

Для перемола зерна имеются ручные и водяные мельницы.

В наиболее красивых, приветливых и вместе с тем уютных уголках Тибета устроены кумирни или монастыри, а при этих последних нередко и управления начальников, и дома их приближенных. При монастырях же проживают и торговцы, со складами своих товаров, словом, монастыри играют роль общественных и религиозных центров, и заменяют собою города, которых здесь вовсе нет.

Грамотность в Тибете, как в былые времена и у нас на Руси, доступна лишь духовному классу, который составляет десять-двадцать, а то и больше, процентов всего населения.

К светочу религиозных знаний тибетский темный народ обращается во всех более или менее важных случаях жизни.

Дороги, пересекающие Тибет, повторяю, исключительно вьючные, пролегают не только по долинам рек и речек, но и через разделяющие их хребты и горы. В области оседлого

Тибетская лодка: переправа через верхний Ян-цзы-цзян.

населения через горные ручьи и речки устроены мосты; в районе же кочевых обитателей переправы производятся вброд.

Для переправы через главные реки Тибета служат оригинальные лодки, похожие на кузов саней. Деревянный остов тибетской лодки, связанный из нескольких обручей, прикрепленных к деревянной раме, обтягивается шкурой яка; при спуске

на воду швы ее каждый раз смазываются салом. Переезд лодки сопровождается громким гиканьем, подобным тому, какое издают тибетцы при их атаках на неприятеля.

Главные или большие дороги, которые связывают Сы-чуань с Лхасой, постоянно оживлены бычачьими караванами, везущими в столицу Тибета сычуаньский чай, шелк и проч. и вывозящими обратно шерсть, маральи рога, мускус, тибетские сукна, ткани, предметы культа и немногое другое.

Вдоль всяких дорог, во многих местах, сложены из сланцевых плит более или менее длинные валы «мэньдон» или «мани»; также часто можно видеть высеченную огромными буквами на отшлифованных самою природою выступах скал мистическую формулу «ом-мани-па-дмэ-хум», что значит: «о, ты, сокровище на лотосе!» [1]), а иногда даже и поясное изображение самих божеств буддийского пантеона.

Хурдэ, вращаемое водою.

На перевалах, как и в других местах Центральной Азии, сооружены «обо», а по горным ручьям — хурдэ — молитвенные мельницы, приводимые во вращательное движение, подобно мельничным жерновам.

Среди обитателей Центральной Азии вместо денег, как их представляют себе европейцы, вращается ямбовое китайское серебро в больших и малых слитках, а также изредка и медные круглые монеты «чохи», с отверстием посредине. В Тибете же в ходу преимущественно индийская серебряная монета, рупия,

---

[1]) Лотос (Nelumbium)—прекрасное растение, которое, согласно индийской мифологии, служит троном творцу мира, а также считается и символом земли.

которая чеканится англичанами в Калькутте и которую главным образом признают тибетцы. В центральном Тибете нередки тибетские серебряные монеты «дхамха», фабрикуемые в Лхасе. В Каме или восточном Тибете эти монеты встречаются редко; еще реже непальские.

Во многих местах Тибета вообще и в верхнем бассейне Желтой реки и Ян-цзы-цзяна в частности, тибетцы копают золото, применяя в работе самый примитивный способ и пользуясь самыми грубыми инструментами [1].

Серебряная ямбочка.

Нравственные качества тибетцев — лень, грубость, лицемерие, корысть в связи с ханжеством и суеверием. Тибетцы лукавы, вороваты; они никогда не могут удержаться от соблазна воспользоваться чужою собственностью. Барантачество развито очень сильно. Все эти отрицательные стороны наиболее присущи тибетскому кочевому населению, среди же оседлых тибетцев нередки и порядочные люди с более мягким характером и некоторым понятием о гостеприимстве. На языке таких людей еще понятна пословица «как в тенистой глубокой воде рыбы больше, так и у хорошего человека больше друзей».

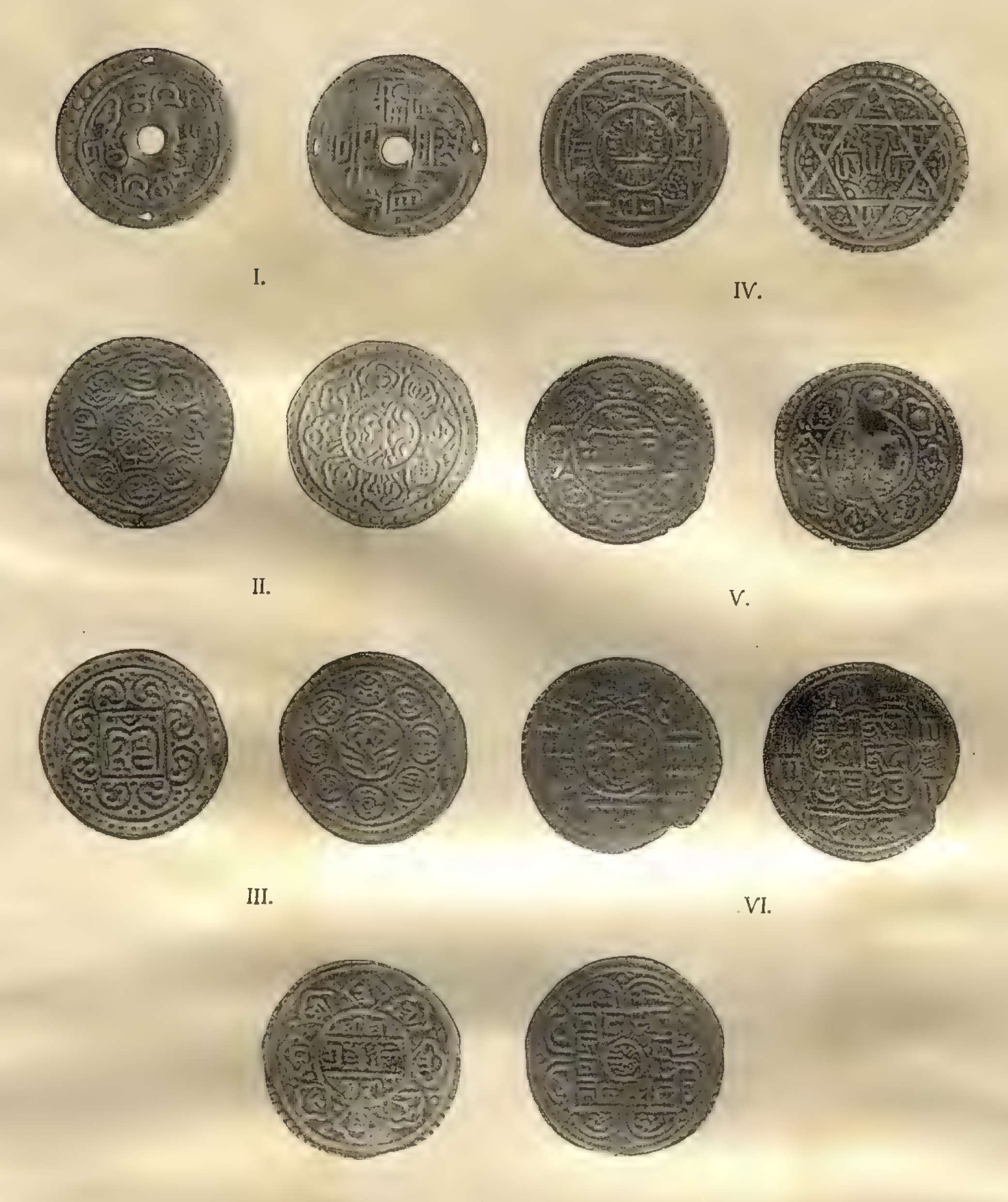
Общей характерной чертой у тибетцев служит, между прочим, крайняя подозрительность, недоверие, основанные на применении народом древнего обычая избавления от ненавистного и преграждающего дорогу человека при посредстве яда, секретно вводимого в еду и питье, обыкновенно в местном вине. В силу этого, тибетец решается вступить в дружбу не иначе, как только исполнив известный обряд «братанья», основанный на обмене гáу и принесении клятвы перед бурханами.

В целях поддержания внутреннего порядка и гарантии безопасности извне, тибетцы, хотя и не имеют постоянного войска [2], как мы его понимаем, но, тем не менее, по первому требованию

---

[1]) Однако, эксплоатирование золота не вяжется с суеверным представлением тибетского народа, поддерживаемым ламами в следующем воззрении: «если выкопать из земли самородок золота, то исчезнет все золото, находимое в речном песке; самородок—это корень золотоносного растения или само растение, золотой же песок- цветы или семена этого растения».

[2]) Исключая центрального Тибета—самой Лхасы и ее окрестностей.

I. Китайско-тибетская монета; эти монеты начали, повидимому, чеканиться в 1793 г. Настоящая монета 1803 г. 8-ой г. правления Kia-King (начало в 1796 г.).—II. Тибетская монета (по образцу непальских) с подписью «нам-чжал-гал-дань-по-бран-чогле», которую Лакупери толкует как обозначение 27 года из 60-ти-летнего цикла (нам-чжал) и место чеканки: «в году нам-чжал из дворца Галдань». Г. Ц. Цыбиков говорит, что подпись эта, которую следует читать «Гал-дань-по-бран-чог-ле-нам-чжал», означает название далай-ламского дворца в монастыре Брайбун, где находился монетный двор до перенесения его в Лхасу, по соседству с Поталой. По Лакупери год этой монеты $177^{1}/_{2}$.—III. Тибетско-непальская, по образцу непальских, с двумя цифрами 15-24, первая означает № 60-летнего цикла (1-ый цикл начался в 1026 году). Монета значит 1889 года.—Непальские. IV. Царствования Nivasamalladeva, царя в Патане, неп. эры 789=1668 по Р. Х.—V. Mahîndrasimhadeva, царя в Катманду, неп. эры 839=1718 по Р. Хр.—VI. Ranajitamalladeva, царя в Бхатгаоне, неп. эры 842=1721 по Р. Хр.—VII. Pratapasimha-sah (горкинской династии) эры шака 1698=1777.

своих начальников, скоро выставляют необходимый по численности конный отряд в полном боевом снаряжении [1]) и походной готовности. Предводителями отрядов назначаются испытанные в боях хошунные начальники, которые бывают вооружены лучше других...

Тибетцы по-своему смелы и воинственны. Они счастливы, когда располагают хорошим конем и отличным вооружением. Превосходные неутомимые наездники, тибетцы имеют привычку подтягивать стремена так высоко, что верхняя часть ноги—бедро лежит у них совершенно горизонтально.

Летом, как только лошади успевают откормиться, тибетцы организуют партии для воровских набегов в соседние или отдаленные хошуны. Чаще воруют в чужих округах, при чем предметом самого воровства является скот, до баранов включительно. Нередко воровство переходит в открытый разбой. Уворованную и доставленную на место добычу делят, приблизительно, таким образом: половину из всего награбленного отдают в пользу своего хошунного начальника, а из остального — одна половина поступает предводителю партии, а другая—всем остальным ее членам.

Печать.

Общий процент смертности в Тибете невелик, не считая, конечно, неизбежных периодических повальных болезней, как, например, оспа, случающихся сравнительно редко; тем не менее, прирост населения в этой стране крайне ограниченный, что надо приписать главным образом существованию в Тибете полиандрии и присутствию многочисленного класса безбрачного духовенства с одной стороны и междоусобным войнам с другой...

---

[1]) То есть с ружьем, саблей и пикой; пращей пользуются преимущественно пастухи.

СТОЛИЦА ТИБЕТА — ЛХАСА И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ МОНАСТЫРИ.

Самый интересный город по представлению европейцев и самый «идеальный» по представлению самих тибетцев — Лхаса очаровывает путника издали, когда он впервые, с ближайших предгорий, видит лхаскую долину, окаймляющие ее горные цепи, а главное Поталу и храм медицины, расположенные на отдельных горках, по преданию, привезенных на вьюках из Индии.

После тяжелой монотонной дороги, Лхаса с дворцом далай-ламы и массою храмов, ярко блестящих на солнце золочеными кровлями и ганчжирами, действительно производит сильное и вместе с тем обаятельное впечатление. Дивное сочетание долины и божественных холмов—Марбо-ри и Чжагбо-ри,—прозрачных голубых небес и яркого солнца, оригинальных построек и красных, золотых и белых красок, порождает живую сказку.

Недаром буддисты, при первом взгляде на Лхасу, на Поталу, падают в исступлении на колени и со слезами умиления приковываются к «святому святых» горячим молящим взором...

Основание Лхасы, по данным Г. Ц. Цыбикова, относится ко времени хана Срон-цзан-гамбо, жившего в VII веке по Р. Х. Рассказывают, что этот хан в числе своих жен имел царевен непальскую и китайскую, которые привезли с собою по статуе будды Шакьямуни, для которых и были построены храмы в Лхасе, а сам он поселился на горе Марбо-ри, где ныне красуется дворец далай-ламы.

Круговая дорога «лингор», по которой паломники совершают молитвенные обходы столицы Тибета пешком, растяжными поклонами, равняется почти двенадцати верстам.

Столь любимые тибетцами сады или парки придают Лхасе красивый вид, в особенности поздней весною или летом.

Т. V

Потала—дворец Далай-ламы (с юга).

Абсолютная высота Лхаской долины определяется около 11.000 футов.

Центром столицы-города служит храм, где покоится большая статуя будды. Храм этот — квадратный дом, в три этажа, с четырьмя золочеными крышами китайского стиля. В среднем помещении восточной стены отведено место главному об'екту поклонения — статуе будды Шакьямуни, под роскошным балдахином. Сама статуя из бронзы отличается от общеизвестных изображений индийского мудреца своими головными и грудными украшениями, из кованого золота и драгоценных камней, в особенности бирюзы, изготовленными и надетыми на нее знаменитым реформатором буддизма—Цзонхавой.

Лицо этой статуи со времен того же Цзонхавы красится золотым порошком.

Копия с «Большого Чжу».

«Не все божества пользуются одинаковым почетом, и посетитель сразу может отличить более чтимых. Так в середине северной стены находится комната с большим числом светиль-

ников, среди коих находятся четыре-пять золотых лампад и большие каменные, с прислуживающими при них ламами. В этой комнате помещена весьма чтимая статуя десятиликого Арьябало или Авалокитешвары, по-тибетски Туг-чжэ-чэн-бо «Великомилосердный», или чжан-рай-сиг «Видящий глазами», перерожденцами которого считаются далай-ламы.

Десятиликий Авалокитешвара (Арьябало) [2].

Статую эту, по преданию, слепили из смеси разных благовонных трав по приказу царя Срон-цзан-гамбо и поместили в ней также сандальную статую того же Авалокитешвары, привезенную из Индии. К этому присовокупляют еще предание, что в год железной собаки, т. е. в 650-м году нашей эры, сам царь с двумя супругами, непальской и китайской царевнами слился с этой статуей, проникнув во внутрь ея» [1]).

Довольно большим почетом пользуется еще и статуя Бал-лхамо, покровительница женщин.

Благодетельной силе последней приписывается облегчение родов тибетских женщин вообще и лхаских в частности.

«Обстоятельство это», говорит Г. Ц. Цыбиков, «замеченное

[1]) «Буддист паломник»... Стр. 107—108.

[2]) Одиннадцатая голова наверху—изображение будды Амитабхи.

и нами, должно, без сомнения, об'яснять вообще закаленностью тибетской женщины, в особенности принадлежащей к простому классу».

Другая, малая статуя будды помещается в особом храме, в северной части города, и называется «Чжово-рамочэ». Как храм, так и изображение, по своим размерам и украшениям уступают первым. Замечается также разница в меньшем чествовании молящимися.

Украшением Лхасы также служат дворцы знатных хутухт или гэгэнов, занимавших должность тибетских ханов. Эти дворцы, с известным штатом лам, представляют собою небольшие монастыри, которых внутри города считается четыре — Тан-чжяй-лин, Шидэ-лин, Цэмо-лин и Мэру-лин, а вне города—к юго-западу, расположен пятый дворец Гун-дэ-лин, принадлежащий хутухтам Дацаг или Дагца.

Лон-чэн—один из трех больших сановников по управлению Тибетом (брат эмчи-хамбо).

Домов частных владельцев очень немного, и они находятся преимущественно на окраинах.

И над всеми этими зданиями, в некотором отдалении к западу, царит дворец далай-ламы, Потала, построенный на скалистой горе.

«Дворец этот», говорит Г. Ц. Цыбиков»[1]), вне всякого сомнения, является самым замечательным зданием не только Лхасы, но и всего Тибета. Полное название его Ду-цзин-ньпбий-

1) «Буддист паломник»... Стр. 126.

побран Потала, что в переводе значит «Потала, дворец второго кормчего».

Начало этому дворцу, по преданию, было положено Срон-цзан-ханом, но он заново отделан с добавлением главной центральной части, называемой «Побран-марбо»—красный дворец, во время пятого, знаменитого далай-ламы Агван Ловсан-чжямцо, его советником — дэбой Санчжяй-чжямцо. Дворец — это замок, в постройке которого тибетские архитекторы проявили все свое инженерное искусство... В длину дворец простирается около двухсот саженей; станет более понятным, если мы возьмем в сравнение здание Петроградского университета, которое имеет всего сто двадцать пять саж. в длину. В вышину же, по лицевой стороне, дворец имеет десять этажей.

Сэмгак-Самдэн—один из дворцовых лам.

В так называемом красном дворце имеются покои самого далай-ламы, который в хорошую погоду очень часто поднимается на самую высокую плоскую кровлю, откуда открываются далекие красивые виды во все стороны.

В этом же дворце хранятся самые высокие ценности как Тибета, так и далай-ламы, равно в нем находится и золотой субурган—надгробие пятого далай-ламы, около четырех саженей высоты... Здесь же ютится и община монахов в пятьсот человек, составляющая «Намчжал — дацан». На обязанности этих дворцовых лам лежит богослужение о долгоденствии и благоденствии далай-ламы...

Внутри дворцовой стены, у подошвы горы с юга, находятся: монетный двор, здание суда, тюрьма и проч.

На берегу реки Уй расположен летний дворец далай-ламы Норбу-линха.

Медицинский дацан, едва ли не единственный в центральном Тибете, красуется на горе Чжагбо-ри. Он представляет собою небольшое здание, где в компате, у задней стены, указывают статуи разных божеств (сделанные из коралла, бирюзы, малахита, белого сандала) и другие святыни, связанные с именами знаменитых врачей индийско-тибетской медицины.... Теперь, особенно почитается здесь тибетский врач Ютог-гонбо.

Этот дацан основан или коренным образом реформирован знаменитым пятым далай-ламой... Штат духовенства состоит из шестидесяти человек, специально прикомандированных по одному человеку из разных монастырей. Они получают содержание из казны далай-ламы и живут в домах, построенных на этой же горе, подле дацана. Монахи эти и составляют студентов факультета. Заведует ими хамбо—лейб-медик далай-ламы [1]).

Помимо всего этого, в столице Тибета имеется два дацана, изучающих «мистицизм», с духовенством свыше тысячи человек.

Светское население Лхасы едва ли превышает 10.000 человек, причем две трети падает на женщин. Несмотря на это, столица Тибета производит впечатление многолюдного города, что надо приписать с одной стороны соседству двух больших монастырей, с другой—огромному наплыву сюда паломников. По этой же причине, а еще и по сосредоточиванию здесь центрального управления Тибетом — Лхаса является значительным торговым пунктом, а также посредницей в торговле Индии с западным Тибетом и Китая—с восточным.

Большую славу Лхасы, между прочим, составляют три главнейших соседних монастыря Тибета: Сэра, Брäбун [2]) и Галдан, известные под общим именем Сэ-нбрä-гэ-сум, с количеством монахов до двадцати тысяч человек. Все эти монастыри принадлежат одной господствующей секте Цзонхавы и основаны при его жизни в начале XV-го века.

Верховным настоятелем этих монастырей, конечно, считается далай-лама.

Монастыри, в отдельности, имеют свой устав, свои земельные угодья, тем не менее, Брайбун выделяется своим значением уже только потому, что из среды этого монастыря возвысились далай-ламы, которых вскоре судьба поставила во

[1]) «Буддист паломник»... Стр. 137—138.

[2]) Брäбун произносится еще и Брайбун.

главе духовного и светского правления над центральным Тибетом.

Независимо от сего, каждый из этих монастырей известен чем-либо особенно; так монастырь Брайбун знаменит своими прорицателями, Сэра — ритодами или кельями аскетов и Галдан—разными чудесными остатками.

Культ прорицателей или оракулов основан в свою очередь на культе «чойчжöнов» — хранителей ученья. В роли защитника религии чойчжоны или их прорицатели играют огромную роль как в жизни отдельных частных лиц, так и монастырских общин до верховного управления Тибетом включительно. Прорицатели—это своего рода цензора—критики.

«Ритоды, которыми окружен по преимуществу монастырь Сэра, — суть отдельные кельи ушедших от мира и углубившихся в созерцание аскетов-монахов». Созерцание есть одно из шести «средств» для достижения святости. Начало его основывается на том, как Гаутама, удалившись от царской роскоши, искал истины. Позднейшие аскеты избирали местом таких созерцаний глухие уголки в лесной чаще или в скалах, в пещерах.

Чётки.

Чудесные реликвии, которыми славится Галдан, показывают нам, насколько знаменитый Цзонхава завладел умом своих последователей. Часто мечтая о своем божественном учителе, ученики чертили и высекали на скалах его образ и изображения будд, покровительствующих ему. С течением времени все эти признаки и памятники, под известным воздействием суеверия, стали приниматься за чудесные реликвии, и каждый паломник стал с благоговением прикладываться к ним.

Остановимся несколько подробнее на каждом из этих трех монастырей.

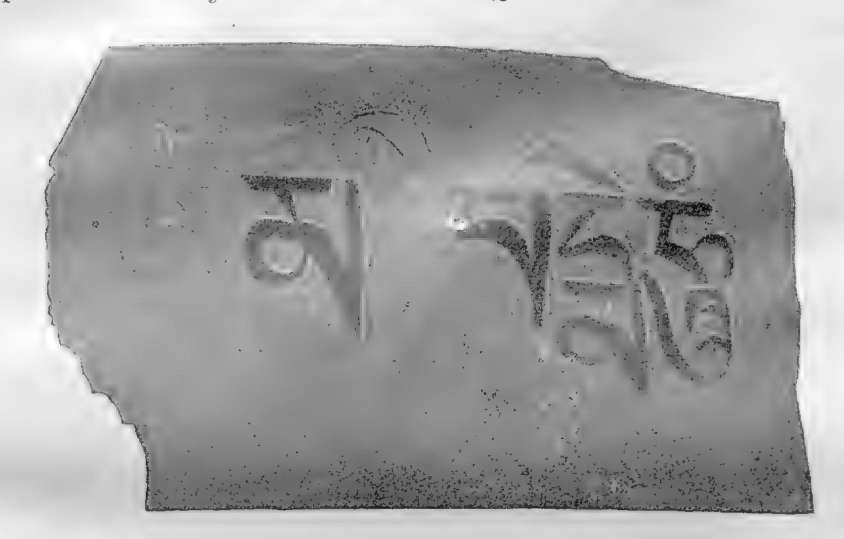
Основателем монастыря Сэра считается Шакчжя-ешей, известный у своих почитателей под именем Чжямчэнь-чойрчжэ; с малых лет он был посвящен в монахи и отличался мягким,

Монастырь Сэра.

кротким характером. Когда в Тибете прославился Цзонхава, Шакчжя-ешей поступил к нему в ученики и экономы. Из сильного благоговения перед великим реформатором, он сделался послушным исполнителем его воли.

Стоило Цзонхаве пожелать, чтобы Шакчжя-ешей построил особый монастырь для изучения «тарни»—заклинания, как он и из'явил согласие и вскоре положил основание монастырю Сэра—обиталищу Великой колесницы или Махаяны.

Ом-ма-ни-па-дмэ-хум.

«Монастырь Сэра», пишет Г. Ц. Цыбиков [1]), «лежит верстах в четырех на север от Лхасы у подошвы гор... В нем три золоченых крыши, и из Лхасы Сэра представляет довольно красивый вид.

«Главнейшей святыней этого монастыря можно считать статую одиннадцатиликого Чжан-рäй-сига—Авалокитешвары, про которую существует следующее предание:

«В давнее время монахиня Балмо посетила местопребывание Манджушри и, взяв у него сию статую, улетела. Затем прилетела с этой статуей в местность Пабон-ха, где спрятала ее в одной пещере. В то время, когда настоятелем Сэра был некто Чжялцань-санбо, один пастух, пася своих коз, заметил, что одна из них вошла в ту пещеру, и чтобы выгнать ее оттуда, он бросил камень, который ударился в пещере о какой-

[1]) Там же, стр. 346 и последующие.

то звонкий предмет. Удивленный пастух заглянул в пещеру и заметил лежащую на спине статую. Удивление пастуха еще более увеличилось, когда он увидел подле нее лужу козьего молока и сама статуя заговорила человеческим голосом. Пораженный чудом, пастух побежал к настоятелю Сэра, Чжялцань-санбо, который тотчас пошел в указанную пещеру и перенес статую в свой монастырь, где она находится в дацане Чжеба.

«Этот Чжялцань-санбо считается перерожденцем упомянутой монахини Балмо и жил с 1402 по 1469 год.

Число монахов или лам в Сэра—около пяти тысяч...

«Если Галдан знаменит своими чудесными реликвиями, а Брäбун—прорицателями, то Сэра, повторяю, славен своими ритодами, что в буквальном переводе значит «горная цепь», но понимается теперь, как уединенная келья лам-отшельников в горах. Ища удаления от мирской суеты, знаменитые аскеты ставили свои кельи на скалах высоких гор и там предавались созерцанию. Со временем, усердие набожных почитателей стало накоплять в скромных кельях богатство и учеников. Обычай отыскивать перерожденца всякого выдающегося ламы обратил эти кельи в дворцы и поместья перерожденцев, каковыми и являются они в настоящее время.

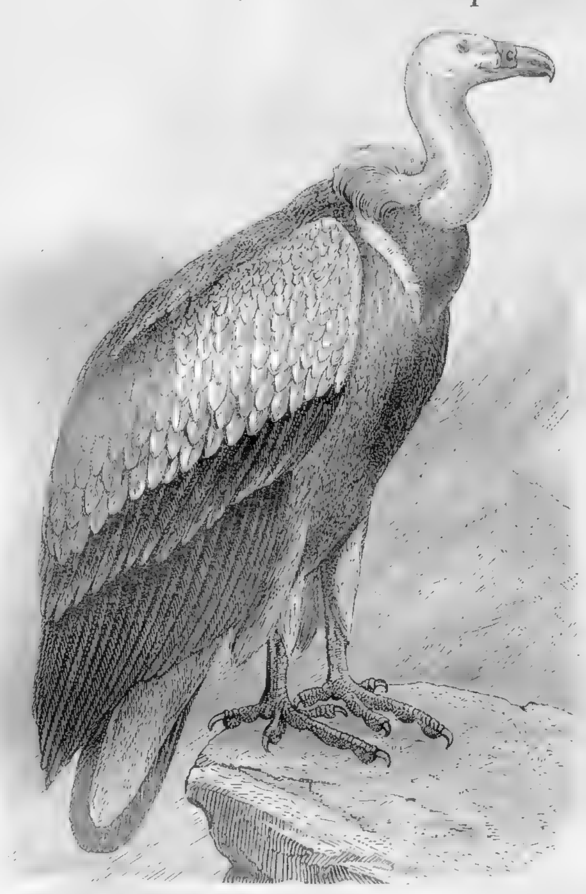
«Самым древним и самым известным ритодом считается «Пабон-ха», находящийся верстах в трех на северо-запад от Сэра и принадлежащий Далай-ламе.

«Здесь на природной скале стоит дворец Далай-ламы, в котором чтится статуя Чжан-рäй-сига. Предание говорит, что этот дворец-храм был построен ханом Срон-цзан-гамбо и имел девять этажей, но известный гонитель буддизма, царь Ландарма, разрушил верхние этажи, оставив только два нижних. Набожные приходят сюда для 3333 круговращений вокруг этого дворца, на что требуется от десяти до пятнадцати дней самой усердной ходьбы. Вероятно, это число имеет какое-нибудь символическое значение.

«Саженях в двухстах-трехстах на восток от Сэра находится большая каменная глыба, которая, по преданию, сама прилетела из Индии. На этом камне разрезают трупы для отдачи их на с'едение грифам и бородатым ягнятникам. Так как этот камень считается священным, то всякий стремится быть разрезанным на нем, но такая завидная доля достается лишь более

зажиточным, так как она сопряжена со значительными расходами как по перенесению трупа, так и по плате, вносимой в виде вознаграждения местным монахам за чтение похоронных молитв. Кроме того верят, что если живой человек нагой поваляется на этом выпачканном трупами камне, то его жизнь продлится...

«Второй знаменитый ритод, Сэра-чойдэн, стоит над монастырем Сэра на уступе северной горы. Он известен тем, что здесь часто живал Цзонхава и проповедывал свое учение. Тут до сих пор сохранился желтый домик позади дугана дацана Чжюд. В нем на стене находится рисованное изображение Цзонхавы с двумя его любимыми учениками...»

Снежный гриф (Gyps himalayensis).

«Монастырь Брӓбун, являющийся в настоящее время самым большим из желтошапочных монастырей центрального Тибета, лежит верстах в шести-семи на запад от Лхасы у южной подошвы горы Гэнпэл. Находясь под защитой скалистого горного мыса, на значительной высоте, будучи построен амфитеатром и имея по обеим сторонам сады, он издали представляет довольно красивый вид, но по мере приближения этот вид исчезает, и наконец вы вступаете в узкие, устланные камнем улицы, по сторонам которых возвышаются многоэтажные дома...

Основателем Брӓбуна считается ученик и последователь Цзонхавы Даший-балдан, известный более под названием Чжамьян-чойрчжэ (1379—1448). Учился он сначала в Цзэтане,

Саппу и Чжормолуне, но затем перешел к Цзонхаве в только что основанный им монастырь Галдан. Увидев блестящие способности, проявленные сим, сравнительно молодым ламой, Цзонхава сразу решил расположить его к себе и подарил ему раковину, добытую, по преданию, из скалы. Вскоре он посоветовал Даший-балдану построить монастырь и, если верить словам биографа Цзонхавы, сказал ему, что основанный им монастырь превзойдет Галдан. По этому совету или, может быть, потому, что, согласно предания, он не сходился в некоторых религиозных вопросах со своим учителем, Даший-балдан в 1416 году основал монастырь Брӓбун или Балдан-Брӓбун, как он значится в литературе.

«Самые важные святыни, как вообще в ламаитских монастырях, замечает Г. Ц. Цыбиков, связаны, конечно, с именем основателя». Так в здешнем доме большого собрания, цокчэндугане, находится статуя Майтреи, имеющая в вышину свыше пяти саженей...

Между прочим, Брӓбун служит усыпальницей трех далай-лам—второго, третьего и четвертого. Часть останков третьего далай-ламы, Соднам-чжямцо, вложена в субурган, на устройство которого затрачено немало денег.

Что касается расположения главных зданий монастыря, то в центре, немного ближе к западному краю, стоит громадное здание с золоченой крышей, являющееся домом для большого собрания, т. е. цокчэн-дуган, а на юго-западном краю монастыря—дворец далай-ламы, называемый Галдан-побран. Рядом с последним, уже вне монастырской черты, находится дворец «Даший-кансар», построенный, как говорят, шестым далай-ламой для его светской жизни [1]).

По отношению к учебной части, все духовенство монастыря распределяется по дацанам, коих прежде было семь, а ныне—только четыре, в трех из которых изучают богословские науки—цаннид, а в четвертом тантры.

Штат лам в Брӓбуне определяется в десять тысяч человек, которые полностью собираются лишь в самых торжественных случаях или при раздаче денег...

[1]) «Буддист паломник у святынь Тибета», стр. 325.

Монастырь Брäбун.

T. VII.

Остается сказать о монастыре Галдане...

Про основание монастыря Галдана в биографии Цзонхавы сказано, что тотчас после окончания лхаского мöнлама—торжественного богослужения, учрежденного в 1409 году, Цзонхава с своими последователями отправился на гору Брогри — уединенная — и, исследовав ее, нашел, что все приметы земли и неба весьма хороши и что это, поистине, место с признаками полного распространения и исполнения проповеди, а также необходимых богатств. Затем старшим из своих учеников Цзонхава указал места для постройки монастырских зданий, что последние и выполнили в точности в том же году.

Гау из серебра, внутри изображение богини.

Основанный таким образом монастырь Галдан [1]) находится верстах в двадцати пяти-тридцати на восток от Лхасы. Монастырские здания построены на южной стороне горы полукругом и амфитеатром доходят до самой вершины. С юговостока монастырь еще более живописен от присутствия красивых скал и мелкого леса, растущаго вдоль скалистого оврага.

Главной святыней монастыря, без сомнения, признается так называемый «сэрдон-чэмо» золотое надгробие или золотая ступа—субурган с прахом великого Цзонхавы. Субурган находится в лучшем из здешних зданий, окрашенном в коричневый цвет с небольшой золоченой крышей. После смерти Цзонхавы, в 1419-м году, старшие из учеников, как сказано в биографии его, стали совещаться, сжечь ли его прах или оставить нетронутым. Рассудив, что, если оставить нетронутым, то он, как будто сам, действительно, будет жить, и будет велика польза как для продолжения учения, так и для многих живых существ,

[1]) Полное название которого Брог-ри-галдан-намбар-чжял-бий-лин — Уединенногорское вполне радостное обиталище полного победоносца.

4

решили воздавать почести, оставив прах в целости. Тут же из серебра, количеством более восемнадцати тибетских мер, поднесенных отдельными учениками из набожности, соорудили субурган, украсили его орнаментами из разных драгоценностей—камней, серег, гау, китайских табакерок, раковин—вставленных в чеканку.

Субурган старинного типа.

Над этим субурганом в 1420-м году построили большое сумэ; прах же вложили в гробницу из сандального дерева, перенесли из дворца и поместили в бумба [1]) субургана, лицом на северо-восток в сидячем положении...

Впоследствии, пятидесятый настоятель Галдана, или сорок девятый наместник Цзонхавы, бжябралский Гэндунь-пунцог сделал всему субургану облицовку из чистого кованого золота, почему субурган сделался словно золотым, и его теперь, действительно, называют «большой золотой субурган». По правую сторону от него находится субурган первого наместника Цзонхавы, Чжялцаб-дарма-ринь-чэна, а по левую — второго его наместника Хайдуб-гэлэг-балсана...

Число монахов в Галдане доходит до двух тысяч.

«Как монастырь, основанный Цзонхавой, Галдан полон предметами почитания, связанными с именем великого основателя желтошапочного ламаизма и его главных сподвижников.

[1]) Бумба—круглая часть субургана.

Так, «горлам» — круговая дорога монастыря — полна разными об'ектами почитания для набожных. На юго-западной стороне монастыря вам показывают ключ-колодец, который, по преданию, явился от указания Цзонхавою на это место пальцем, когда монахи страдали от недостатка воды. Далее, на скалах и камнях указывают следы шапки, чёток, локтей, колен, пальцев и пр. Цзонхавы, также углубление в скале, откуда Цзонхава добыл раковину, спрятанную еще при жизни будды Шакьямуни; изображения Цзонхавы, рисованные на скале указательными пальцами Чжялцаба и Хайдуба, указывают домик, где жил в простой обстановке Цзонхава, и маленькую часовню, где на плите самостоятельно выступило изображение троицы «Ригсум-гоньбо», т. е. Чжямьяна, Чагдора и Чжянрäй-сига [1]... На восточной стороне обходящему монастырь может броситься в глаза золотой чжялцань — победный знак на скале, а внизу изображение Цзонхавы с его двумя учениками, ниже которого нарисован громадный Дамчжан-чойчжял. Из этой скалы, как говорят, нынешний Далай-лама достал клад, состоявший из шапки и других вещей Цзонхавы, который он поместил в особый ящик у гробницы последнего. Набожные верующие с благоговением, превосходящим удивление, прикладываются ко всем этим реликвиям, но на человека, смотрящего более хладнокровно, они могут произвести впечатление работ художников да притом не особенно искусных [2])»...

В заключение о монастыре Галдане можно сказать, что он расположен на значительной абсолютной высоте, вероятно, много превосходящей высоту 12.000—13.000 футов, так как наш «буддист паломник» провел две ночи в Галдане без сна, «вследствие сильной одышки и гнета, лишь только начинал засыпать»...

[1]) По-индийски — Манджушри, Ваджрапани и четырехрукого Авалокитешвары.
[2]) «Буддист паломник» Стр. 312.

ТИБЕТСКИЙ ДАЛАЙ-ЛАМА И МОЕ ДВУКРАТНОЕ СВИДАНИЕ С БУДДИЙСКИМ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМ—В УРГЕ И ГУМБУМЕ.

Теперь о самом фокусе сил Тибета—о далай-ламе, являющемся в настоящее время верховным правителем Тибета как в духовном, так и в светском отношениях.

Далай-ламы считаются, как то и замечено выше, перерожденцами бодисатвы Авалокитешвары или по-тибетски Пагна Чжан-рӓй-сиг.

Почитатели культа перерожденцев любят относить их происхождение к отдаленнейшим временам, например, к эпохе жизни Будды. Так и в данном случае, первым воплощенцем считают бодисатву Пагна Чжан-рӓй-сига, ближайшего ученика Будды.

По сказаниям тибетских сочинений, составленных в более позднее время, первые тридцать семь перерожденцев появлялись в Индии, то царями—покровителями религии, то учеными просветителями. В первый раз в Тибете появился тридцать восьмой перерожденец хан-Няти-цзаньбо, живший в III веке до Р. Х. Затем перерожденцами его являются знаменитые цари Тибета, известные покровительством буддизму, как-то: 40-м Срон-цзан-гамбо, 41-м Тисрон-дэвцзан (802—845), 42-м Адагти-Рал (866—902) и знаменитые ученые: 45-м Бром-дӧньба, 46-м Сачжя (Сакьяский) Гуньга-Нин-бо и т. д. [1]).

«Духовное значение далай-ламы получили во время ламы Гэндунь-чжямцо настоятеля Брӓбунского монастыря, жившего с 1475 по 1542 год. Он был одновременно настоятелем двух монастырей, Брӓбун и Сэра и при жизни своей приобрел такую известность, что его стали считать перерожденцем известного основателя монастыря Даший-лхунбо, Гэндунь-дуб'а. Но обычай отыскивать перерожденцев в младенчестве начи-

[1]) «Буддист паломник»... Стр. 253.

нается уже после смерти его, и один начальник замка об'явил своего сына его перерожденцем. Это, повидимому, первый пример провозглашения перерожденца и предоставления ему прав предшественника. Сему перерожденцу, обожаемому чуть-ли не с колыбели, суждено было быть приглашенным к

Пятый великий далай-лама Агван-Ловсан-чжямцо.

монгольскому Алтан-хану, который дал ему титул «Вачира-дара-далай-лама», подтвержденный и минским императором Китая».

Впрочем, значение далай-ламы и Тибета вообще первое время не было особенно велико, чем об'ясняется признание четвертым перерожденцем сына монгольского князя, который, правда, был убит на 28-м году жизни в Тибете. Монголы говорят, что тибетцы убили его из племенной ненависти, даже распоров живот, т. е. способом убиения монголами баранов.

Следующему его перерожденцу Агван-Ловсан-чжямцо, именуемому ныне просто «А-ба-ченьбо», т. е. «пятым — великим», удалось приобрести светскую власть, которая первое время все-же была лишь номинальна. Этот далай-лама, в союзе с первым баньчэнем, не задумался пригласить на свою родину монгольское оружие только бы победить ненавистных светских правителей. Хотя им и удалось этого достигнуть, но в дела Тибета стали вмешиваться монгольские князья, признававшие верховную власть манджурской династии или же боровшиеся за свою самостоятельность.

После смерти пятого далай-ламы, в течение почти сорока лет, далай-ламы делаются предлогом политических интриг разных властолюбцев, пока ряд исторических событий не уничтожил в Тибете власти монгольских и туземных князей и пока, наконец, в 1751-м году не было признано за далай-ламой преобладающее влияние как духовное, так и светское.

Избрание далай-ламы до 1822-го года, года выбора десятого перерожденца, основывалось на предсказаниях высших лам и определений прорицателей, что равносильно выбору влиятельных лиц, но при выборе десятого перерожденца впервые было применено в практике установленное при императоре Цянь-луне метание жребия посредством так называемой «сэрбум» или «золотой урны». Оно состоит в том, что имена трех кандидатов, определенных прежним порядком, пишутся, на отдельных билетиках, которые потом кладутся в золотую урну; последняя ставится перед большой статуей Чжово-Шакьямуни [1]), и возле нее совершаются депутатами от монастырей богослужения о правильном определении перерожденца. Далее, она переносится в Поталу, во дворец далай-ламы, и здесь перед дощечкой с именем императора, в присутствии высших правителей Тибета и депутации от главнейших монастырей, манджурский амбань посредством двух палочек, заменяющих у китайцев вилки, вытаскивает один из билетиков. Чье имя написано на этом билетике, тот и возводится на далай-ламский престол.

Избрание перерожденца обыкновенно приветствуется китайским богдоханом торжественной присылкой высшего духовного или светского лица, хранящего императорскую духов-

[1]) Чжово-Шакьямуни или Большого Чжу, как выражено под рисунком на странице 39-ой.

ную печать. Означенное лицо привозит художественно исполненные из золота или драгоценных камней письменные знаки, означающие имя и титул перерожденца.

Тибетский лама Чойчжэн-чютуп.

После этого счастливый или несчастный ребенок с большими почестями переносится во дворец.

С этих пор ему воздается долженствующий почет и к нему стекаются поклонники. При этом, с самых ранних лет его начинают обучать грамоте под руководством специального учителя—иондзинь, выбираемого из наиобразованнейших знатных лам. Затем ему дают чисто-богословское образование.

Для практических диспутов приставляются по одному ученому ламе из всех богословских факультетов трех главных монастырей.

По окончании курса учения он получает высшую ученую степень по богословию, по тому же порядку, как и другие ламы, но, конечно, с обильной раздачей денег монастырям и более осторожными вопросами к нему со стороны членов диспута—ученых лам, назначенных наперед.

После сего, с 21-летнего возраста, далай-лама вступает в полную самостоятельность. Но надо помнить, что, начиная с 1806-го года, сменилось пять далай-лам [1]).

---

[1]) Первым перерожденцем, приверженцем цзонхавизма, считается Гэндунь-дуб, являющийся по прежнему порядку пятьдесят первым (1391—1474). Он был основателем цзанского монастыря Даший-лхунбо.

Вторым перерожденцем считается Гэндунь-чжямцо (1475—1542), родившийся в провинции Цзан. Его отцом был красношапочный лама. Этот перерожденец получил посвящение в монастыре Даший-лхунбо, а в монастыре Брäбуне обучался богословским наукам. Вообще, он отличался своею ученостью и пользовался большим почетом среди духовенства и народа.

Третий перерожденец, Соднам-чжямцо (1543—1588). Его отец—владетель цзона, был, без сомнения, очень влиятельным человеком и пожелал об'явить своего сына перерожденцем только что умершего Брäбунского настоятеля Гэндунь-чжямцо. Он достиг своей цели, и в 1547-м году сын его был уже возведен в настоятели... Соднам-чжямцо умер в Монголии, и был признан «великим ламой, живым буддой».

Четвертый перерожденец, Йон-дан-чжямцо (1589—1616), родился в Монголии, был доставлен в Тибет (в 1604-м году), возведен в звание Брäбунского настоятеля и принял духовный обет. После смерти, прах его разделили между собою халхаский князь Чихур и туметский тайчжи. Первый сделал для своей доли серебряный субурган и поставил его в Брäбунском Галдан-побране.

Пятым перерожденцем, самым знаменитым из далай-лам, является Агван-Ловсан-чжямцо, именуемый сокращенно «А-ба-ченьбо—Великий пятый», сын начальника области Чöн-чжяй-Дуддул-рабтана, родившийся в 1617-м году...

«В 1643-м году Гуши-хан, после семимесячной осады, завладел Шахацзоном и убил его владетеля. Захватывая Тибет, Гуши-хан оправдывался тем, что он защищает угнетенную религию Цзонхавы. Логическим последствием такого оправдания было то, что он поднес власть над Тибетом далай-ламе, хотя власть эта пока была лишь номинальной, так как фактическим главой Тибета сначала был сам Гуши-хан, а затем он поставил своего сына Даяна, наименовав его Очирту-ханом, в силу принятого обычая давать особое наименование годам правления.

В 1652-м году далай-лама был принят манджурским императором Шун-чжи на аудиенции и получил высочайшую грамоту и золотую печать. В этой грамоте он официально был титулован «Вачира-дара-далай-лама».

Современный, по счету, тринадцатый Далай-лама, Тубдань-чжямцо, родился в 1876 году, и, следовательно, теперь, в 1919 году, ему 43 года...

В 1668-м году умер Очирту-хан, и ему наследовал сын его Пунцок, с титулом Далай-хана.

В 1695-м году принял подданство Китая сын Далай-хана Лхавсан или Лхацзан, который и был последним монгольским ханом Тибета.

Пятый знаменитый далай-лама умер в 1682-м году, оставив после себя двадцать пять больших томов сочинений.

«После смерти его, пишет Г. Ц. Цыбиков («Буддист паломник», стр. 260 и последующие), наступает самый смутный период в новейшей истории Тибета вообще и далай-лам в частности. Дело в том, что еще при жизни пятого далай-ламы в 1675-м году во главе управления его делами встал даровитейший из его учеников дэба-Санчжяй-чжямцо, человек с большим образованием и замечательный политик. Он хотел отстоять независимость Тибета как от Китая, так и от Монголии...

Уличенный в своей двуличной политике, Санчжяй-чжямцо вступил в открытую борьбу с Лхавсан-ханом, но был убит последним в 1705-м году. Лхавсан обвинил в измене и далай-ламу Цан-ян-чжямцо, которого хотел доставить в Пекин. Во время пути, по официальным данным, опальный далай-лама умер в Куку-норе, но народное предание заставляет его еще долго жить... Он считается тибетцами шестым далай-ламой, жившим с 1683 по 1706 гг. После этого спор о новом далай-ламе происходит уже между самими монголами: с одной стороны Лхавсан-хан желал провозгласить далай-ламой Агвана-ешей-чжямцо, а с другой стороны кукунорские монгольские князья желали Галсан-чжямцо, уроженца камского Литана.

В 1719-м году китайский император возвел в далай-ламы литанского перерожденца Галсан-чжямцо, опять с званием шестого далай-ламы и пожаловал ему грамоту и печать.

«Таким образом с 1706 по 1718 год было двое далай-лам. В 1719-м году вновь утвержденный далай-лама был отправлен в Тибет под защитой кукунорцев и посажен на далай-ламский престол, а заключенный в тюрьму прежний далай-лама Агван-ешей-чжямцо выпущен на свободу. Новый далай-лама официально считается шестым, а тибетцами седьмым.

Только после возведения на престол этого далай-ламы манджурское правительство стало считать, что в Тибете наступило спокойствие и что эта страна вполне подчинилась манджурской династии. По этому поводу император Кан-си написал грамоту, которую повелел высечь на каменной плите и поставить ее в Лхасе.

Восьмой перерожденец, далай-лама Чжамбал-чжямцо (1758—1804), родился в провинции Цзан. В двадцать шестом году правления Цянь-луна, т. е. 1762-м году, была дана императорская грамота, утвердившая его на престоле далай-ламы. Избранию его в далай-ламы, затем выдаче ему в 1781-м году золотой печати много содействовал дядя его третий банчэнь-эрдэни Балдан-ешей, лама с отличным дарованием.

Девятый перерожденец Лундок-чжямцо (1805—1815) умер еще в детском возрасте, будучи возведен в 1808-м году обычным порядком на далай-ламский престол.

Десятый перерожденец Цултим-чжямцо родился на родине седьмого далай-ламы, в камском Литане. Время рождения его биограф определяет: «при появлении первой утренней зари 29-го числа третьей луны года огненной мыши», т. е. 1816 года. Но и этот далай-лама умер также в ранней молодости, в седьмой луне 1837 года.

Одиннадцатый перерожденец Хайдуб-чжямцо (1838—1855). По разным рассказам родителей и гаданию лам в нем наметили перерожденца далай-ламы, но официальное избрание его произошло в 1841-м году, посредством сэрбум—золотой урны. При этом случился какой-то подозрительный инцидент, про который биограф его рассказывает, что его имя не сразу вышло из урны, а появилось оно после многих молитв. Он умер семнадцати лет.

Двадцатилетним юношею Далай-лама кончил курс богословских наук и получил высшую ученую степень лхарамба.

Цанит-хамбо лхарамба Агван Доржиев.

Прохождение наук происходило под руководством его старшего

Двенадцатый перерожденец носил имя Принлэй или Тинлэй-чжямцо и родился в восточной части провинции Уй в 1856-м году. В начале 1858 года он с двумя другими мальчиками баллотировался посредством золотой урны, и жребий быть далай-ламой пал на его долю. Но и этот далай-лама едва достиг двадцати лет и умер в двадцатых числах третьей луны года деревянной свиньи (1875). По рассказам современников, этот далай-лама умер уже явной насильственной смертью, посредством отравы, о чем слышал и Н. М. Пржевальский.

T. I.

XIII-й Далай-лама Тубдань-чжямцо.

учителя или так называемого йондзинь-риньбочэ, что значит «драгоценный учитель» по имени: Лобсан-цултим Чжямба-чжямцо, известного более под именем «пурбу-чжогского перерожденца Чжямба-риньбочэ», который умер в 1901-м году, достигнув глубокой старости. Для упражнений Далай-ламы в цаннидских диспутах к нему были приставлены от семи богословских академий монастырей Брäбуна, Сэра и Галдана по одному цань-шаб-хамбо, в число коих от гоманского дацана Брäбуна вошел наш забайкалец Агван Доржиев, которому сильно покровительствовал вышеназванный пурбу-чжогский перерожденец [1]).

Вступив в зрелый возраст, свыше двадцати лет тому назад, Далай-лама открыто повел борьбу с своим регентом—знатнейшим из тибетских хутухт--«дэмо» и из нее вышел победителем, чем, без сомнения, избежал участи своих четырех предшественников, погибших в раннем возрасте, часто вследствие насильственной смерти, причиняемой регентами и представителями других партий, старающимися остаться подольше у власти.

Нынешний Далай-лама обвинил дэмо-хутухту в составлении заклинаний против его жизни, конфисковал его громадное имущество, а самого его посадил под строгий домашний арест, в отдельной комнате, где дэмо-хутухта оказался задушенным, осенью 1900 года.

«Летом 1900 года, пишет Г. Ц. Цыбиков [2]), происходило первое путешествие Далай-ламы по знаменитым монастырям южного Уя (Лхоха). Путешествие это было роковым для его предшественника, так как во время его он был отравлен. Так и на этот раз думали, что еще могут найтись сторонники низверженного хутухты, и Далай-лама сделается жертвой борьбы, но он благополучно совершил путешествие, хотя в монастыре Сам-яй ему пришлось перенести натуральную оспу, свирепствовавшую тогда во всем центральном Тибете».

Далай-лама об'явил себя верховным правителем Тибета и вскоре стал искать пути для завязания знакомства и дружбы с Россией.

---

[1]) «Буддист паломник»... Стр. 270.
[2]) «Буддист паломник»... Стр. 277.

Для Тибета надолго останется памятным 1904 год; чужеземцы с войском пришли в Лхасу, и Далай-лама покинул свою столицу, чтобы не видеть врага. Энергичный, властный вице-король Индии, лорд Керзон, улучил удобную минуту, когда единственная держава, которая могла поддержать Тибет—Россия—оказалась занятой войною, и наглядно доказал Тибету настойчивое, а следовательно и победоносное, упорство английской политики [1]).

Начальство над политическо-военной миссией, конвоируемой трехтысячным отрядом, до горной артиллерии включительно, было возложено на путешественника и знатока Центральной Азии полковника Иёнгхёсбенда, ближайшее же ведение войсками и вообще военная часть вверялись генералу Макдональду.

О самом походе англичан в Тибет в свое время писалось немало, при экспедиции состояли специальные корреспонденты, которые, как вскоре выяснилось, были очень односторонними и крайне сдержанными, в особенности там, где приходилось характеризовать отрицательные качества английских войск—насилие, впрочем, изредка, проявляемое над беззащитными тибетцами. Главные члены экспедиции, перенося невзгоды зимы и разреженного воздуха, понимали трудности похода и смотрели на многое в отряде сквозь пальцы, боясь несвоевременными репрессиями возбудить недовольство в британских войсках. Словом, освещение истории военной экспедиции англичан в Тибете—одностороннее.

После длительного горного похода, после тяжелых невзгод и лишений, ожидание увидеть столицу Тибета дошло у англичан до высшей степени напряжения. За каждым поворотом, за каждым мысом, они были уверены, что увидят этот священный город буддистов. Они спешили итти и ускоряли под'ем с одной вершины на другую в надежде поскорей увидеть давно желанный и таинственный земной алтарь живого божества. Передовые патрули кавалерии, по своем возвращении, усиленно расспрашивались.

Наконец, 2-го августа, обогнув последний мыс, английская военная экспедиция увидела золотые крыши Поталы-Лхасы, блестевшие с далекого расстояния, а на следующий день уже расположилась лагерем в виду самого дворца тибетского первосвященника.

[1]) С. Ф. Ольденбург. «Англо-индийский поход в Тибет 1904 года». Журнал Мин. Народ. Просв. 1905. Отд. II, № 7, стр. 197—227 и № 9, стр. 134—150.

«Здесь, в приятной долине,—пишет г. Пёнгхёсбенд,—в долине, прекрасно обработанной и богато орошенной, под укрытием снеговых цепей гор, находится таинственный, запрещенный город, которого ни один, еще находящийся в живых, европеец не видел до сих пор. Для многих, предполагавших вследствие этой изолированности Лхасы, что она должна была быть чем-то в роде города из области сновидений, было, смею сказать, большое разочарование: в конце концов Лхаса была построена все так же людьми, а не феями; ее улицы не были вымощены золотом, а двери отделаны жемчугом. Улицы Лхасы были страшно грязны, а жители менее всех мною виденных до сих пор людей походили на волшебников. Но Потала—дворец Великого ламы,—был действительно внушительным, массивным и очень основательно построенным из камня. Господствующее положение далай-ламского дворца на горе особенно живописно выделяло его над общим городом, расположенным у его подножья. Множество домов в городе было также хорошо и солидно построено и окружено тенистыми деревьями. Дворец на возвышении и удивительный город у его подножья были бы поразительны повсюду, но расположенные в этой прекрасной долине, в самой глубине гор, они производили еще большее впечатление, с чем соглашались почти все мои спутники.

«Тибетские храмы с наружной стороны солидны и массивны, хотя и не совсем красивы. Внутри же они очаровательны и оригинальны, а иногда даже забавны и смешны. У некоторых членов миссии осталось впечатление о громадных бесстрашных фигурах Будды, вечно-спокойно и неподвижно смотрящих вниз, о стенах, разрисованных смешными демонами и драконами, об интересно украшенных деревянных колоннах и крышах, об общей грязи и нечистоте и о бесчисленных чашках с маслом, горящим днем и ночью, как горят свечи в римско католических церквах перед изображениями святых».

Договор с тибетцами был подписан скорее, чем англичане могли ожидать, и они начали приготовляться к от'езду в Индию. Тибетцы были очень счастливы, повидимому, удовлетворительным окончанием дела. Ни одно лицо не было ответственным; каждый имел свое слово, и если какое-нибудь порицание могло упасть на чью-либо голову, то оно должно было падать на все одинаково. «Но в глубине сердец,—говорит полковник Пёнгхёс

бенд,—тибетцы знали вполне хорошо, что они отделались замечательно дешево».

В утро от'езда англичан заместитель Далай-ламы—Ти-Римбочэ пришел в их лагерь и подарил изображение Будды начальнику миссии, г. Уайту, а также и генералу Макдональду. Временный правитель благодарил за сбережение монастырей и храмов и, поднося полковнику Пёнгхёсбенду «Будду на алмазном престоле», сказал: «Когда тибетцы смотрят на изображение Будды, то они отстраняют от себя все мысли о борьбе и спорах и думают только о мире; и я надеюсь, что вы, когда будете смотреть на него, будете благосклонно думать о Тибете»...

Как бы там ни было, но насильственное вторжение англичан в Тибет есть совершившийся факт, как совершилось и еще более грустное явление, даже по признанию самих англичан—это бойня при Гуру или у «источников хрустального глаза», где из пятисот тибетцев, предварительно погасивших фитили у своих примитивных ружей, в живых осталось двести человек, спасшихся бегством [1]).

Последнее обстоятельство, в связи с живым представлением Далай-ламы о манере англичан в Индии захватывать в заложники правителей страны и вручать им договоры для личной подписи, принудило главу буддийской церкви секретно оставить Лхасу и быстро направиться в Монголию, в соседство русской границы.

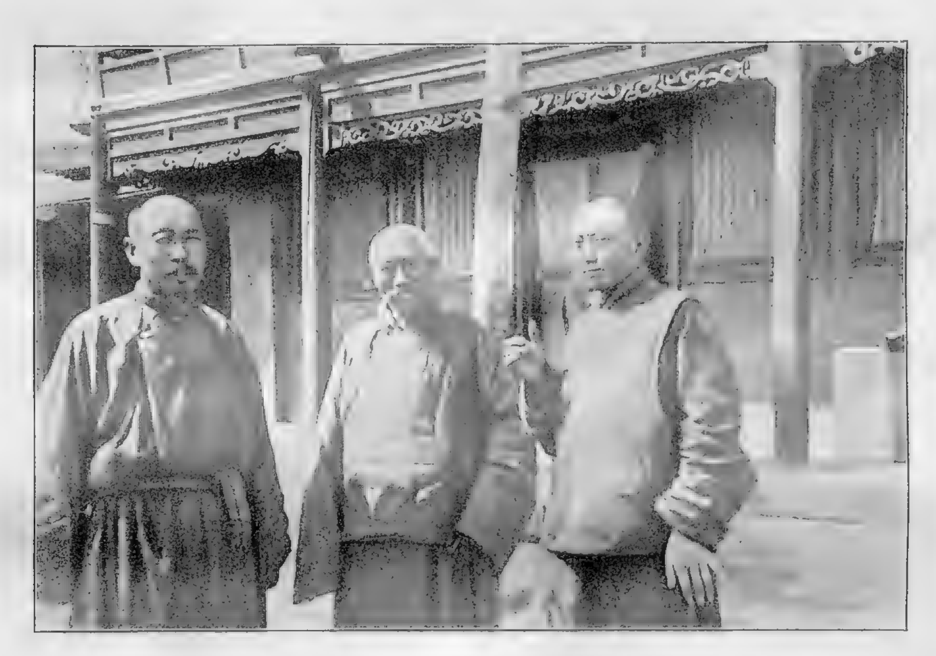
Двадцать шестого июля 1904 года [2]), в два часа ночи, Далай-лама оставил Лхасу в сообществе лишь самых нужных и преданных лиц: Агван-Доржиева, сойбон-хамбо, или так называемого «дядьки», чотбон-хамбо, эмчи-хамбо (врача) и восьми человек прислуги. Участники небывалого путешествия были верхом на лошадях и запаслись всем необходимым только впоследствии, с присоединением к ним других участников каравана.

Первые дни Далай-лама ехал, соблюдая incognito, но затем, около Нак-чю, он уже не скрывал себя перед народом. Последний, предчувствуя недоброе, повергся в уныние и горько плакал. В Нак-чю была сделана продолжительная, в пять-семь дней, остановка, в течение которой удалось за-

[1]) Данные эти почерпнуты из английских источников.
[2]) Или иными словами когда англичане вступили в долину Брамапутры.

пастись всем необходимым более обстоятельно на предстоявшую трудную, пустынную и малолюдную дорогу.

Из Нак-чю же Далай-лама послал в Лхасу дополнительные распоряжения. Следует заметить, что лучшие драгоценности Поталы или далай-ламского дворца были своевременно вывезены и спрятаны в укромных местах.

Эмчи-хамбо Сойбон-хамбо Кончун-сойбон.

Дальнейший переезд до Цайдама, по высокому нагорью Тибета, был исполнен без дневок и крайне утомил Далай-ламу. Насколько было возможно, Агван-Доржиев старался облегчить путь его святейшества, уезжая вперед квартирьером и приготовляя в людных пунктах подводы, продовольствие и проч. Народ, прослышав о путешествии главы буддийской церкви, быстро группировался в известных молитвенных центрах, где происходило торжественное богослужение в присутствии Далай-ламы и куда единоверцы щедро несли дары местной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета их полную готовность служить ему на всем дальнейшем пути.

Монголия с своими песками на юге и каменистой пустыней в центре произвела на Далай-ламу сильное впечатление.

Он очень интересовался ее оригинальной природой—растительным и животным миром [1]).

Барханные пески южной Монголии.

Таким образом, осенью 1904 года, в Монголии случилось замечательное событие: в эту страну прибыл Далай-лама и в

[1]) Характерными представителями растительности в южной и средней Монголии являются: из древесных и кустарниковых пород — саксаул, тамариск, хармык, а из травянистых—дэрэсун. Что же касается до животной жизни, то в этом отношении, в рассматриваемой части страны, наиболее типично представлены, среди млекопитающих: антилопа-хара-сульта, а среди птиц — больдурук, населяющий Гоби в огромном количестве. (См. рисунки на стр. 65 и 66-ой).

северной ее части, в Урге,—своего рода монгольской Лхасе,—расположился на долгое пребывание.

Странно, однако, что местные китайско-монгольские власти с богдо-гэгэном во главе, на основании приказа из Пекина «по поводу приезда Далай-ламы в Ургу не проявлять излишнего восторга», не в меру поусердствовали, в особенности богдо-гэгэн, который даже не выразил основных правил благопристойности и не встретил Далай-ламу; мало этого, он, вскоре за тем, позволил себе не принять трон главы буддийской церкви в один из подведомственных ему ургинских монастырей.

Дэрэсун Lasiagrostis splendens).

С течением времени, у Далай-ламы и богдо-гэгэна отношения все более и более обострялись. Недовольство ургинского хутухты не знало своих пределов, потому, главным образом, что народ—монголы, буряты, калмыки,—неудержимо стремился на поклонение Далай-ламе и наводнил собою Богдо-курень и ее окрестности. Престиж Далай-ламы не ослабевал, наоборот, усиливался, поднимался; монастырь Гандан, где приютился его святейшество, приобрел большую популярность. Жизнь в Урге забила ключом. Храмы денно и нощно призывали молящихся. Все только и говорили о великом Далай-ламе и о тибетцах; местные представители, казалось, утратили большой интерес.

С своей стороны, верховный правитель Тибета, больше нежели прежде, интересовался соседним государством, Россией, с которой так или иначе вошел в соприкосновение через посредство российского местного консульства. Излишне говорить, до какого напряжения дошло внимание всех тех лиц, которым близки и более всех других понятны интересы Тибета и ко-

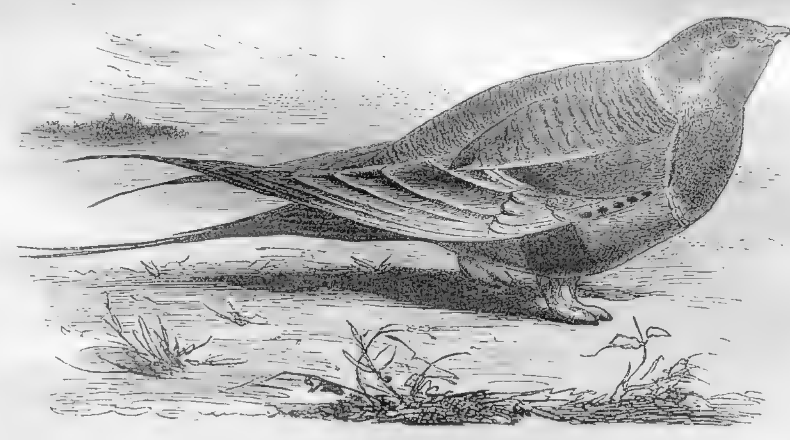
торые следили за каждым шагом английской военной экспедиции, скорбя душой за беззащитных тибетцев.

Весною, 1905-го года, Русское Географическое Общество возложило на меня приятную обязанность—быть его представителем в Урге, для принесения приветствия и подарков правителю Тибета и для выражения благодарности за гостеприимство русским путешественникам в Тибете.

Хара-сульта (Gazella subgutturosa).

Радостно приняв предложение Географического Общества, я энергично стал готовиться в знакомую дорогу... Мне долгое время не верилось, что я опять увижу родные картины центрально-азиатской природы: красивый Байкал, синеющие горы Забайкалья и просторные, убегающие за горизонт, долины Монголии. Моему воображению продолжали рисоваться травянистые степи Куку-нора, стальная блестящая поверхность этого величественного бассейна, а за ним, чрез Южно-кукунорский хребет и снеговые цепи Тибета. Мысль далеко уносилась по пространству и по времени.

В таких мечтах и грезах я благополучно проследовал сна-

Больдурук (Syrrhaptes paradoxus).

чала до отечественной границы—городка Кяхты, а затем и до столицы Монголии—Урги.

Урга привольно раскинулась в обширной долине Толы и издали производит гораздо лучшее впечатление, нежели вблизи, впрочем, это—общая характеристика почти всех населенных пунктов Азии, хотя Урга своею ужасною грязью, вероятно, превосходит все, по крайней мере все, виденное мною. Здесь человеческой лени потворствуют собаки, которые являются даровыми и единственными санитарами.

Но что дивно-хорошо и необычайно красиво и вечно молодо и здорово в Урге, так это девственная гора Богдо-ула, почитаемая монголами за святую, с чудным лесом, ревниво обе-

Урга; дом богдо-гэгэна, или Монгольского хана.

регаемым со всем его животным царством заботами монастыря или точнее монастырей. Последних здесь два—Гандан, в котором нашел себе приют Далай-лама, и Майтреи.

Между монастырями вклинились своими национальными постройками русские и китайские торговые колонии. Немного выше, по долине реки, находятся управление и цитадель с незначительным гарнизоном. Еще восточнее, расположено русское консульство, за которым невдалеке стоит торговый городок Китая—Маймa-чен.

Опрятнее и живописнее прочих расположена новая резиденция ургинского богдо-гэгэна, симпатизирующего русской архитектуре домов и вообще многому русскому, применяющемуся в своей домашней обстановке ко вкусу русского зажиточного класса людей. Его деревянный двухэтажный дом скопирован

с дома русского консульства; говорят, и внутри он обставлен предметами европейской роскоши.

Я остановился, согласно желания Далай-ламы, в близком соседстве с монастырем Гандан.

Первое мое свидание с тибетским первосвященником состоялось первого июля, в три часа дня. Я отправился в тележке, запряженной одиночкой, в сопровождении своих двух спутников, Телешова и Афутина, ехавших верхом. У монастыря, перед главным входом, толпилось множество паломников.

Здесь меня встретили: Дылыков, хоринский бурят, почетный зайсан, состоявший при Далай-ламе переводчиком с монгольского на русский язык, а также и в качестве чиновника особых поручений, и двое — трое тибетцев, приближенных к Далай-ламе.

Войдя в монастырский двор и миновав несколько юрт и дверей, я очутился у далай-ламского флигеля, а минуту спустя, и у самого Далай-ламы, торжественно восседавшего на троне, против легкой сетчатой двери. Лицо великого перерожденца было задумчиво-спокойно, чего, вероятно, нельзя было сказать относительно меня, находившегося несколько в возбужденном состоянии: ведь я стоял лицом к лицу с самим правителем Тибета, с самим Далай-ламой! Не верилось, что моя заветная мечта, взлелеянная в течение многих лет, наконец, исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечтал сначала увидеть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затем уже ее верховного правителя. Случилось наоборот: не видя Лхасы, я встретился с Далай-ламой, я говорил с ним...

Я невольно впился глазами в лицо великого перерожденца и с жадностью следил за всеми его движеньями. Подойдя к нему, я возложил на его руки светлый шелковый хадак [1]), на что в ответ одновременно получил от Далай-ламы его хадак, голубой и тоже шелковый, очень длинный, роскошный... Почтительно, по-европейски, кланяясь главе буддийской церкви и произнося приветствие от имени Русского Географического Общества, я, вслед за этим, подал знак моим спутникам приблизиться с почетными подарками и передать их, в присутствии Далай-ламы, его свите—министрам и секретарям.

[1]) Или плат (белый чаще голубой шелковый) счастья. Хадак всегда—при заочных сношениях—играет роль нашей визитной карточки.

Далай-лама приветливо улыбнулся и сделал указание поставить подарки вблизи его обычного места, затем, пригласив меня сесть на заранее приготовленный стул, стал держать по-тибетски ответную речь. Голос его был приятный, тихий, ровный; говорил

Восьмое перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты, (ныне живущий).

Далай-лама спокойно, плавно, последовательно. Его тибетскую речь переводил на монгольский язык один из его секретарей, Кончун-сойбон, несколько лет перед этим проживший в Урге; с монгольского же языка на русский переводил Дылыков. После обычных приветственных слов: «Как вы доехали до Урги, как себя чувствуете после дороги? и проч., Далай-лама начал благодарить Русское Географическое Общество, его главных представителей, а также и лиц других учреждений, способствовавших осуществлению моей поездки в Ургу. «Я уже имею удовольствие знать Русское Географическое Общество,—говорил Далай-лама,—

оно вторично выражает мне знак своего внимания и благорасположения; вы же лично для меня интересны, как человек, много путешествовавший по моей стране!»

В заключение, Далай-лама сказал, что он, с своей стороны, будет просить меня, при моем от'езде в Петербург, не отказать принять нечто для Географического Общества. В промежутках между речью, Далай-лама часто смотрел мне прямо в глаза, и каждый раз, когда наши взгляды встречались, он слегка, соблюдая достоинство, улыбался.

Вся его свита стояла в почтительной позе и говорила, кроме лиц переводивших, шопотом. Кончун сойбон, выслушивая речь от Далай-ламы или переводя ему ответную, стоял перед правителем Тибета с опущенной вниз головою, наклоненным туловищем и самый разговор произносил вполголоса, словораздельно.

В виде угощения, передо мною стояли чай и сласти. Далай-лама также спросил себе чаю, и ему была налита чашка и подана на золотом оригинальном блюдце, закрытая золотой массивной крышкой.

В течение всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо Далай-ламы хранило величавое спокойствие, но, как только вопрос коснулся англичан, их военной экспедиции в Тибет, оно тотчас переменилось,—покрылось грустью, глаза опустились и голос стал нервно обрываться...

При прощании, я пожелал правителю Тибета полного успеха его благим стремлениям, на что Далай-лама приятно улыбнулся и вручил мне второй хадак с бронзово-золоченым изображением «Будды на алмазном престоле», заметив, что «мы будем часто видеться».

Обратно я направился тем же путем.

Этот день был для меня счастливейшим из всех дней, проведенных когда-либо в Азии...

В течение двух летних месяцев, прожитых мною в Урге, мне удалось познакомиться со всем двором Далай-ламы. Правитель Тибета любезно позволил моему сотруднику, Н. Я. Кожевникову, срисовать с себя несколько портретов, мне же лично сфотографировать как его флигель, так равно и лиц, сопутствовавших ему в поездке до Урги.

Сам Далай-лама не разрешил снять с себя фотографический портрет...

Как то и замечено выше, настоящий Далай-лама—есть тринадцатый перерожденец бодисатвы Авалокитешвары... В то время он являл собою молодого тридцатилетнего красивого тибетца, с темными глазами, с лицом, слегка попорченным осной

Монгольские княгиня Ахай и княжна Пэнэ, прибывшие в Ургу из восточной Монголии поклониться Далай-ламе и получить благословение от его святейшества.

и носившим следы великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствие было сильно нарушено политикой англичан; в нем замечались нервность, раздражительность...

Спал Далай-лама немного: вставал с утренней зарей, ложился в полночь, а то и позже. Весь день у него был наполнен занятиями светскими и религиозными. Его помещение заключалось в небольшом красивом монастырском флигеле, разделенном на два этажа. В верхнем этаже у Далай-ламы был рабочий кабинет и спальня, в нижнем—приемная.

Весь штат при нем исчислялся в пятьдесят человек тибетцев, наполовину принадлежавших к чиновничьему духовному званию. Днем почти безотлучно при нем состояли два министра и столько же секретарей; ночью—дядька сойбон-хамбо, и два—три молодых тибетца, в качестве приближенных слуг-охранителей. Двор свой Далай-лама держал в большой строгости.

Будучи отличным проповедником, мыслителем, говорят, даже глубоким философом в области буддийской философии, глава буддийской церкви, в то же время, по отношению к светским делам,—незаменимый дипломат, заботящийся о благе народа. Ему не достает лишь европейской утонченности.

Со времени вступления на престол «верховный правитель Тибета» уже успел ознаменовать свою деятельность следующими отрадными явлениями: отменой смертной казни, обузданием чиновничьего произвола, устранением злоупотреблений китайских властей, обиравших тибетцев, поднятием народного просвещения и проч.

Надо полагать, что только одни выдающиеся умственные способности помогли Далай-ламе избежать вышеупомянутой превратности судьбы.

Бывая у Далай-ламы почти ежедневно и проводя в его общении по нескольку часов кряду, я вынес много-много интересного и поучительного.

Теперь надо было собираться в Петербург.

Откланиваясь Далай-ламе, последний вручил мне для передачи Географическому Обществу маленький дар, состоящий из собрания очень интересных предметов буддийского культа; причем правитель Тибета извинялся за скромный и неполный подарок, так как Далай-лама, находясь на чужбине, не может выполнить своего желания в надлежащей мере, но непременно приведет его в исполнение по возвращении в Лхасу, свободный вход в которую с этого времени он обеспечивает для русских, желающих проникнуть в Тибет, с научными или коммерческими целями.

Меня же лично, трогательно напутствуя, Далай-лама одарил двумя чудными изображениями: Буддой на алмазном престоле и Майтреи, причем заметил, чтобы я с ними никогда не расставался, в особенности с Майтреи, как с богом-покровителем путешествующих...

Будда на алмазном престоле (1/4 наст. вел.).

Проведя лето в Урге, Далай-лама осенью переехал в Ван-курень, отстоящий в пяти переходах к северо-западу от столицы Монголии и служащий в то же время ставкой местного хошунного князя Хандо-вана.

Здесь Далай-лама вел себя очень просто, по-походному. Даже можно было заметить, говорит Б. Б. Барадийн [1]), что он

1) Буддист паломник в Амдо'ский монастырь Лавран.

испытывал большое нравственное удовольствие в этой свободной, простой, походной обстановке, на время вырвавшись из замуравленной придворной атмосферы своего таинственного Лхаского дворца—Поталы.

В обыкновенные дни Далай-лама одевал желтый ламский халхасский костюм; в торжественных же случаях—темно-коричневый монашеский, тибетского покроя.

И здесь, Далай-лама вставал обыкновенно очень рано, часов в пять, а затем до девяти-десяти часов проводил время в утренних молитвах, после чего пил чай и кушал небольшой завтрак. После завтрака он принимал доклады своих приближенных. В полдень обедал. Нужно заметить, что тибетский стол вообще гораздо сложнее и разнообразнее, нежели стол кочевых монголов, довольствующихся исключительно мясной пищей и молочными продуктами.

Послеобеденное время Далай-лама проводил у себя дома или иногда выходил пешком на коро, т. е. молитвенный обход монастыря, как простой паломник. Это, конечно, служило ему в то же время и прогулкой. По большей части Далай-лама ходил в сопровождении двух-трех человек прислуги, или же в обществе своих ближайших лиц, причем он шел один, а его приближенные—на некотором расстоянии, впереди и сзади.

Далай-лама иногда посещал здешнего ученого старца Дандар-Аграмбу для религиозных бесед, как обыкновенный гость. Раза два-три он заглянул и в юрту Хандо-вана,—однажды даже не предупредив об этом хозяина, в сопровождении двух лиц. Это обстоятельство произвело страшный переполох в застигнутой врасплох княжеской семье. Далай-лама успокоил всех, посидел несколько минут, милостиво разговаривал с членами княжеской семьи, употребляя при этом немного известных ему монгольских слов.

Обычно же, Далай-ламу можно только изредка видеть при торжественном благословении народа, когда соблюдается строгий этикет.

Вечером, после молитвы, буддийский первосвященник проводил время в чтении, и отходил ко сну около двенадцати часов ночи, что возвещалось, как и в Урге, протяжными монотонными звуками духовного концерта.

Прошло довольно много времени, прежде нежели Далай-лама

Монастырь Лавран.

оставил Монголию и переехал в Собственный Китай, в монастырь У-тай, отстоящий в трехстах верстах на юго-запад от Пекина. Из этого монастыря Далай-лама несколько раз выезжал в столицу Китая по делам первостепенной важности своей страны. Тибетский первосвященник старался установить и, действительно, установил наилучшие отношения с китайским императором Гуань-сю, который старался помочь ему упрочить свое положение не только в провинциях Уй и Цзан, но и вообще в Тибете.

Пребывание Далай-ламы в Пекине особенно тяготило его, потому, главным образом, что он должен был вести замкнутую жизнь, во многом стеснять себя; с другой же стороны, его бесконечно утомляли всякого рода посетители, в особенности представители дипломатических миссий в Пекине, старавшиеся во что бы то ни стало представиться Тибетскому владыке. Правда, такого рода общение расширяло горизонт Далай-ламы и приучало его, что называется, владеть собою при официальных приемах у себя европейцев. Пытливый, любознательный, он обо многом говорил, ко всему прислушивался и быстро усваивал главное.

Наконец, осенью 1908-го года, все тибетские дела были окончены. Китай и Россия сделали все, чтобы обеспечить

Далай-ламе не только свободный проезд на всем огромном протяжении до Лхасы, но и спокойное пребывание в столице Тибета. Правитель последнего с легкостью в сердце оставил Пекин и с своим большим эскортом направился к юго-западу на перерез Собственного Китая, в Амдо, в один из главнейших монастырей этой страны—Гумбум.

Монастырь Гумбум.

Здесь предполагался значительный отдых, до наступления теплой весны, чтобы в лучшее время года осилить наитруднейшую часть пути по тибетскому нагорью.

Как раз в этот период пребывания Далай-ламы в Гумбуме, я, с экспедицией Географического Общества, возвращался из глубины амдоского нагорья, и в то время, когда мой громоздкий караван направился из Лаврана [1]) в Лань-чжоу-фу, я, с переводчиком Полютовым, на-легке, свернул к северо-западу от того же Лаврана и через несколько дней форсированного марша прибыл также в Гумбум (в двадцатых числах февраля).

Монастырь Кумбум или Гумбум был основан около пяти-

[1]) Монастырь Лавран расположен в глубине амдоского нагорья — это младший брат Гумбума, однако, перещеголявший его обширностью, богатством и великолепием.

сот лет тому назад. Основание ему положил богдо-гэгэн, который затем совершил паломничество в Тибет, в Лхасу, где и остался на постоянное пребывание, основанный же им монастырь поступил в ведение гэгэна-Ачжя, считающего себя в наше время в пятом перерождении (см. рисунок на 79-ой странице).

В двенадцати гумбумских храмах, говорят, находятся шестьдесят три гэгэна-перерожденца, ведающих монастырской братией в две слишком тысячи человек. Наиглавнейших храмов четыре, которые были спасены от дунганского [1]) разгрома монастырскими силами—молодыми фанатичными ламами, отлично сражавшимися, с оружием в руках, с дерзким неприятелем.

Один из буддийских храмов в Гумбуме.

Древние, солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжирами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления.

Особенно пышен и чтим храм «Золотой субурган» (субурган—надгробие), перед которым молящиеся простираются ниц и движением своих рук и ног, от времени, в дощатом полу паперти сделали большие углубления, в которые свободно по-

[1]) Дунгане—китайские мусульмане неоднократно восставали с оружием в руках против Китайского образа правления и на пути разрушения сметали с лица земли всех и вся.

мещаются передние части ступни с пальцами, и скользят руки при земных растяжных поклонах.

Предание гласит, что на месте «Золотого субургана» в 1357-м году родился великий Цзонхава... и что здесь была пролита кровь от его пупка. Спустя три года, на этом самом месте, стало расти сандальное дерево — «цан-дан», на листьях которого были видны изображения божеств. Ныне это дерево, именуемое «сэрдон-чэнмо», т. е. большое золотое дерево находится внутри субургана, занимая его пустоту...

В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть, меня поразил вид семи основательных плетей, развешанных по стене, причем, наиболее внушительная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старейшие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря среди монашествующей молодежи...

Красив и богат также храм, стоящий рядом с восмью белыми субурганами [1]), по преданию построенный на месте спрятанного в землю последа ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзонхавы.

В Гумбуме Далай-лама остановился в особняке богатого тибетца, на западной окраине монастыря, на скате «западных высот», откуда открывался вид почти на весь Гумбум и на отдаленные цепи гор, замыкавшие горизонт с юга... Как и все солидные тибетские дома—этот дом был обнесен высокой, глинобитной стеной, с парадным входом, охраняемым тибетскими парными часовыми.

---

[1]) История постройки восьми субурганов очень интересна и заключается в следующем: однажды в Гумбуме, среди монахов, произошли крупные беспорядки, продолжавшиеся довольно долгое время. Местные и ближайшие власти не в силах были установить порядок. Тогда по указу богдохана, из Пекина в Гумбум, был командирован принц-судья, отличавшийся своим решительным нравом. Прибыв на место, строгий принц немедленно приступил к расследованию дела, из которого убедился, что главными виновниками беспорядков являются известные восемь гэгэнов... Принц обратился къ перерожденцам с следующею речью: «Вы, гэгэны, все знаете—что было, что есть и, даже, что будет! «Скажите же мне, когда вы должны умереть?»

Испуганные и понявшие свою тяжелую участь гэгэны ответили: «завтра!»

«Нет!—властно произнес принц,—сегодня!» и велел тотчас отрубить несчастным головы. На месте казни гэгэнов ламы и поставили эти восемь субурганов или надгробных памятников.

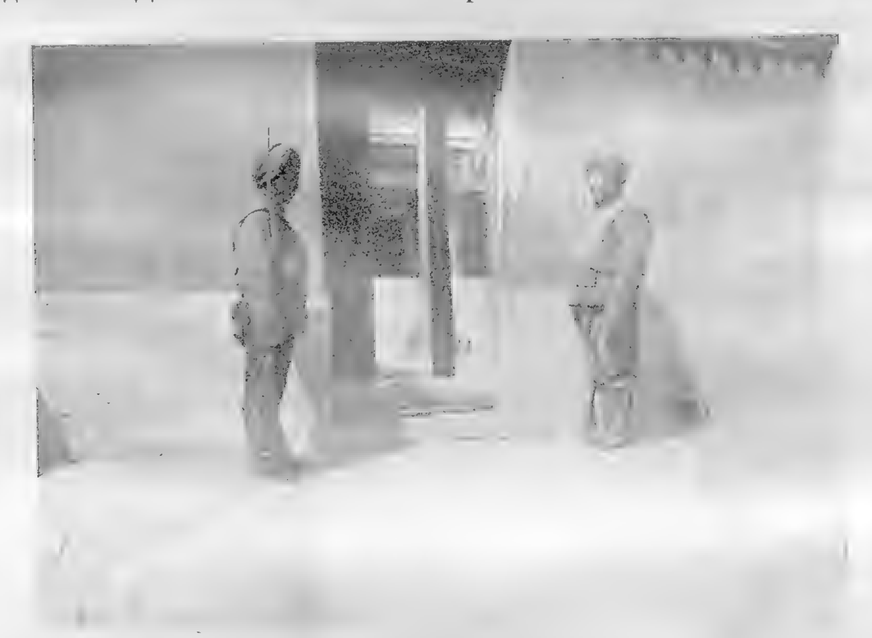
Восемь белых субурганов в память казненных гэгэнов.

Ачжя-гэгэн.

Придя в Гумбум 22-го февраля [1]), я расположился в доме отсутствовавшего знатного гэгэна Ачжя и поспешил дать знать о себе далай-ламской канцелярии, которая не замедлила поставить меня в известность, что на следующий день мне уже назначена аудиенция у его святейшества.

Как и прежде в Урге, так и теперь здесь, первое мое свидание с Далай-ламой носило официальный характер. Прежде

Парные часовые-тибетцы у входа во двор Далай-ламы.

всего сопровождать меня в далай-ламский лавран—духовный покой—явился нарядный тибетец-чиновник, со свитой в три человека, в сообществе с которыми я и Полютов направились пешком, медленно поднимаясь в гору. Через четверть часа мы уже были у цели: миновали парных часовых, отдавших мне честь, и вошли во двор, застланный каменными плитами. Едва мы сделали несколько шагов по направлению высокого лаврана, как по ступеням его широкой лестницы навстречу нам спустился молодой человек, по имени Намган, коротко остриженный, в красных одеждах, и, изящно поклонившись, предложил нам подняться на верх дома.

1) От Лаврана до Гумбума, по моему маршруту, вышло 250 верст расстояния, пройденного в восемь дней-переходов.

Здесь очевидно нас ожидали, так как на столиках стояло угощение в виде хлебцев, печений, сахара и других китайских сластей. Едва мы сели, каждый за свой столик, по чинам, как нам подали чаю, откушав которого, мы проследовали еще через ряд комнат, прежде нежели вошли в приемную к самому Далай-ламе. И здесь, приемная правителя Тибета напоминала буддийскую молельню, в которой на почетном месте, словно на престоле, восседал тибетский первосвященник в нарядном одеянии, точь в точь, как это изображено на рисунке, приложенном к странице 42 «Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото [1])». Подойдя к Далай-ламе и почтительно поклонившись, мы обменялись хадаками. Затем, Далай-лама улыбнулся и подал мне руку, чисто по-европейски.

Гумбум. Дом, в котором проживал Далай-лама.

После взаимных приветствий и осведомлений о дороге, мы перешли к беседе о моем путешествии. Правитель Тибета очень интересовался нашим плаванием в прошлом году по озеру Куку-нору, но еще больше, кажется, развалинами Хара-хото и всем тем, что нами было там найдено.

[1]) С.-Петербург, 1911 года.

«Теперь мы уже с вами встречаемся второй раз»,—заметил Далай-лама; «наше первое свидание было в Урге около четырех лет тому назад. Когда же и где мы встретимся вновь?.. Я надеюсь, что вы приедете ко мне в Лхасу, где для вас, путешественника-исследователя, найдется много интересного и поучительного. Приезжайте, я вас прошу, надеюсь, не будете жалеть потраченного времени на такое большое путешествие. Вы об'ездили много стран, много видели и много написали. Но самое главное еще впереди — я буду ждать вас в Лхасу... а потом—вы сделаете не одну, а несколько экскурсий по радиусам от столицы Тибета, где имеются дикие, девственные уголки как в отношении природы, так равно и населения. Мне самому,—продолжает Далай-лама,—будет весьма приятно и интересно видеть вас после таких поездок и ознакомиться с вашими с'емками, сборами коллекций, фотографическими видами и типами и лично выслушать ваш доклад о путешествии. У меня имеется большое желание перевести на тибетский язык труды по Тибету европейских путешественников. Ваше живое слово мои секретари должны будут занести в первую очередь и тем самым положить начало историко-географическим трудам по центральному Тибету»...

В заключение, Далай-лама сказал: «Не торопитесь с от'ездом, ибо вам никто не будет указывать в этом отношении и ни от кого другого, как только от вас самих, будет зависеть выехать раньше или позже на несколько дней. Мы будем видеться ежедневно, мне необходимо о многом поговорить с вами.»

Во время наших разговоров мы пили чай, наливаемый из общего большого серебряного чайника. Во всем чувствовалась приятная непринужденность, об'яснить которую можно было обоюдным искренним желанием свидеться.

После первого часового с лишком свидания, я ушел от Далай-ламы с самым восторженным впечатлением. По дороге домой меня неотвязно преследовала мысль: какая перемена произошла в тибетском первосвященнике за те три—четые года, что мы не виделись? Как и прежде, то же умное, сосредоточенное лицо, по временам та же очаровательная улыбка, те же планомерность и последовательность в разговоре, но вместе с тем что-то было новое, необ'яснимое. Вот это-то новое, необ'яснимое и продолжало меня интриговать до тех пор, пока я

не нашел к нему об'яснения. В период времени, в который мы не виделись, Далай-лама жил исключительно походной жизнью и все время обобщался с новыми для него людьми, оставлявшими в нем, как в впечатлительном человеке, те или другие особенности, в совокупности наложившие на него этот своеобразный отпечаток.

На следующий день я прибыл к Далай-ламе с утра; теперь исчезла всякая официальность: я видел тибетского первосвя-

Намган (в середине)—во главе тибетских офицеров.

щенника в самой простой, симпатичной обстановке. Мне было разрешено обойти все далай-ламские помещения, видеть его рабочий кабинет, говорить с его министрами, приближенными. Среди последних, к моему большому огорчению, не было видно моего хорошего приятеля, Кончуп-сойбона, как оказывается, заболевшего и отставшего по дороге из Пекина в Гумбум.

Придворный врач эмчи-хамбо, видимо, был очень рад нашей встрече; он несколько раз говорил мне, что начиная с Пекина и до самого Гумбума, везде, по дороге, он старался навести обо мне справки и теперь от души доволен встрече со старым знакомым. Глядя друг другу в глаза, мы пожимали один другому руку.

Теперь, среди обстановки Далай-ламы, то и дело попадались европейские предметы. В одной из комнат висело на стенах до семи всевозможных лучших биноклей, в другой— отмечено почти столько-же фотографических аппаратов, состоявших в ведении секретаря Далай-ламы, знакомого нам Намгана.

Далай-лама очень интересовался фотографией вообще и просил меня обучить Намгана разным фотографическим приемам: снимкам, проявлению и печатанию, равно уменью обращаться со всякими большими и малыми, простыми и сложными аппаратами.

Несколько дней мы усердно занимались фотографией как практически, так и теоретически. Намган старался заносить в свою памятную книжку все мои наставления... Нашей общей работы снимки представлялись самому Далай-ламе, от которого мы получали похвалу и поощрение... Помню хорошо, как однажды мы были сконфужены и в то же время умилены любезностью и внимательностью Далай-ламы, подобравшего на террасе трубочки наших давным-давно высохших отпечатков и переданных его святейшеством нам при встрече. Действительно, мы увлеклись всякого рода занятиями в проявительной комнате и пробыли там гораздо дольше, нежели предполагали, а поэтому, разложенные для просушки оттиски, уже высохли, свернулись в трубочки и движимые ветром, вероятно, укатились бы далеко за террасу, если бы прогуливавшийся Далай-лама не подобрал их.

После занятий фотографией, я обыкновенно беседовал с приближенными Далай-ламы, или бывалъ приглашаем к нему самому, где, запросто, просиживал по-долгу. Как-то раз, Далай-лама спросил меня, часто ли я получаю письма из России, когда получил известие в последний раз и какие в Европе новости? Случайно, по приезде в Гумбум, я на другой же день имел удовольствие, благодаря заботам сининских властей, получить ряд писем и газет, в которых самою большою новостью

отмечалось Мессинское землетрясение, где между прочим, итальянцы воздавали честь и славу русским морякам, с самозабвением спасавшим несчастных жителей и их имущество. Живое описание подобного стихийного бедствия поразило тибетского владыку.

Беседуя на эту тему, Далай-лама пригласил меня в свою библиотеку и подал мне большой немецкий географический атлас, с просьбой указать на нем место катастрофы в Италии... Перелистывая, затем, атлас, я во многих местах его видел пометки, сделанные чернилами или точнее тушью на тибетском языке. Оказывается, это перевод географических названий. Такой же заметкой снабжено было и место землетрясения в Италии.

Иногда я и мой спутник Намган гуляли в окрестностях Гумбума, поднимаясь на высшие точки и делая всякого рода дополнительные снимки, а затем, по возвращении в лавран, опять возились с проявлением и печатанием. Однажды, просматривая оттиски фотографий, разложенные на террасе, я невольно взглянул вниз на портик храма и увидел, как Далай-лама благословлял молящихся. Благословение это заключалось в том, что тибетский первосвященник маленьким молитвенным флажком касался головы тибетцев или монголов, подходивших поочередно. Кстати сказать, молящихся, по случаю пребывания Далай-ламы в Гумбуме, было великое множество.

Обычно принято, если Далай-лама гуляет у себя по кровле или на террасе, то все служащие, равно все проходящие мимо, не должны останавливаться и глазеть, а стараться как можно скорее, незаметным образом, скрыться.

Из дома-лаврана Далай-ламы, царящего над всем монастырем, открывался дивный вид на отдаленные южные цепи гор, откуда, по направлению к наблюдателю, сбегают лучшие альпийские пастбища для многочисленных здешних стад баранов или другого скота.

Как и банчэнь-ринбочэ, Далай-ламе нравятся красивые лошади. В его походном хозяйстве, в Гумбуме, было до семи пар изящных корейских лошадок, прекрасно подобранных по статьям и мастям. Среди далай-ламских лошадей вообще я наблюдал и другого рода лошадь—крупную, округлую, с неимоверно длинными хвостом и гривой—лошадь, которая, как говорят, не несет никакой работы и считается, как нечто священное...

Далай-лама очень любит природу и для него большое удовольствие, скажу больше—потребность обозревать самые высокие горные хребты и вершины, по которым скользят ярким светом первый и последний приветственные лучи дневного светила. Он—стоящий выше всех миллионов его последователей—стремится углубиться в сокровенные тайны мироздания, чтобы легче постичь смысл земного существования человека...

И здесь Далай-лама вел скромную и уединенную жизнь: вставал рано, ложился поздно, в полночь, когда придворный духовный оркестр слегка будил монастырскую жуткую тишину, внося в нее сказочную, ласкавшую душу, гармонию. Я всегда старался дождаться этой приятной минуты на кровле дома и с умиленным сердцем радовался, как ребенок, первым звукам тибетской симфонии, уносившим меня далеко-далеко от действительности.

Таким образом в ежедневных общениях с Далай-ламой—с этим фокусом сил тибетского народа, время пребывания в Гумбуме пролетело быстро и незаметно.

При расставании, Далай-лама произнес следующее: «спасибо вам за ваш приезд ко мне—вы дали мне возможность послушать вас и получить много ответов на мои пытливые вопросы... Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой и богатой стране... Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением»...

Последнее прощание было самое трогательное; сам собою этикет отошел в сторону. Я понял душу Далай-ламы и поверил в искренность его милого приглашения в его Лхасу!..

МОНГОЛИЯ И ТИБЕТ ПРОВОЗГЛАСИЛИ НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Граничa между собою территориально, Тибет и Монголия с давних пор находились в постоянных сношениях. От Тибета к кочевникам монголам перешла вся своеобразная культура, какая у них имеется. Тибетцы составили для монголов их письменность, тибетцы сообщили им в настоящее время исповедуемую обоими народами религию — северный буддизм или ламаизм. Вся политическая и духовная жизнь монголов основана на ламаизме, как и вся почти их обыденная жизнь выработана именно под непосредственным влиянием ламаизма. Лишь в области внешней культуры монголы брали крупицу, падающую от стола Китая. В то-же время и Тибет, и Монголия тяготились опекой Китая и всеми силами старались от нее освободиться. Наконец желанный час настал.

В 1912-м году Монголия и Тибет выдворили китайцев и провозгласили свою независимость. Монголии удалось сбросить иго китайцев очень легко, что же касается Тибета, то последний, прежде чем освободиться от жестоких управителей, выдержал настоящую войну... Освобожденные народы протянули друг другу руку, заключили союз и стали взывать к покровительству сильных и более справедливых соседей: Монголия к покровительству и защите России,—Тибет—Англии.

Россия по отношению к Монголии все усилия направляла к тому, чтобы заручиться обязательством китайского правительства уважать самобытный строй этой страны. Русское правительство указало китайцам три условия, которые, по его мнению, явились бы гарантиями неприкосновенности этого строя, а именно: отказ китайского правительства от введения в этой стране китайской администрации, расквартирования там китайских войск и от колонизации китайцами ее земель.

Китайское правительство не пожелало, однако, войти в обсуждение сделанных ему русским правительством предложений,

Тох-тохо—первый, поднявший оружие за независимость Монголии.

Монгольская бригада под управлением русских инструкторов (эсаул Васильев).

а образовавшееся в Урге правительство не из'являло намерения примириться с последовавшею в Китае заменою императорской власти республиканским образом правления.

Возник, таким образом, вопрос о том, какими правами русская торговля и русские подданные пользуются в Монголии, где власть Китая фактически заменена властью ургинского правительства.

Ввиду вышеизложенного, в сентябре 1912-го года, в Ургу был командирован И. Я. Коростовец, бывший посланник в Пекине, с поручением выяснить те условия, которыми должны определяться отношения России к фактически автономному монгольскому правительству и торговые права русских подданных на той территории, на которую распространяется власть названного правительства. Результатом переговоров И. Я. Коростовца с монгольским правительством было подписание им в Урге, 21-го октября 1912 года, соглашения с монгольскими уполномоченными, в силу которого русское правительство обещает монголам свою поддержку для сохранения провозглашенной ими автономии, выражающейся в праве не допускать на свою территорию китайской администрации, содержать свое национальное войско, недопуская ввода китайских войск, и не допускать колонизации монгольских земель китайцами. Со своей стороны монгольское правительство обязывается не заключать договоров, нарушающих эти начала, и предоставить русским подданным в Монголии пользоваться прежними правами.

На первых порах Халха или Внутренняя Монголия избрала своим верховным вождем Чжэ-бзун-дамба-хутухту, на правах владетельного хана, с приданием ему в помощь из халхаских князей пяти министров: внутренних дел, финансов, военного, юстиции и министра иностранных дел. Вслед за подписанием в Урге союзного договора, монгольское правительство командировало в Петроград министра иностранных дел, светлейшего князя Хандо Дорджи, для выражения Русскому правительству дружественных чувств Монголии. В Петрограде многие статьи договора были подвергнуты всестороннему обсуждению и более твердо закреплены.

Таким образом, Монголия спокойно могла приступить к намеченным реформам и организации фактических средств к основательной защите страны.

T VIII

Представитель монгольского посольства Хандо Дорчжи.

Что же происходило в означенное время в Тибете—в этой, до сих пор изолированной от европейцев, стране?..

На основании англо-русского соглашения 1907-го года Англия обеспечила себе возможность экономического внедрения в Тибет, но ее отношение к стране отнюдь не имело характера политического протектората. Со своей стороны Россия согласилась сохранять неприкосновенность Тибета и свято соблюдать это обязательство. События осложнились агрессивной политикой Китая, влияние которого оказалось значительно сильнее, чем это предполагали. Как известно, пекинское правительство отправило в Лхасу войско, и Далай-лама вынужден был оставить свою столицу.

Табакерка (монгольская).

Два китайских отряда—восточный, численностью в одну тысячу солдат, и западный — в две тысячи — долгое время громили Тибет. Многие монастыри, в особенности в восточном Тибете — Каме, были

Монгольский хан (богдо-гэгэн в молодости).

сожжены, богатства разграблены, население перебито, женщины изнасилованы; наибольшие зверства учинены по отношению к ламам, защитникам храмов. Лхаса и ее знаменитые монастыри,

Тибетские офицеры со своими молодыми солдатами (у монастыря «Радэн — в двух днях пути к северу от Лхасы).

Обучение тибетских новобранцев.

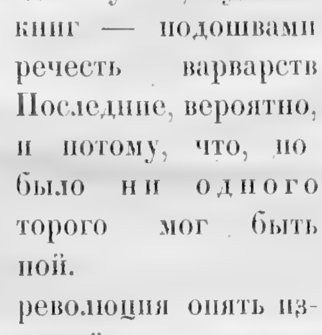
в особенности монастырь Сэра, также не пощажены. Золотые кровли храмов прострелены, святыни поруганы, дворец тибетских царей разобран по камням, из которых китайские солдаты

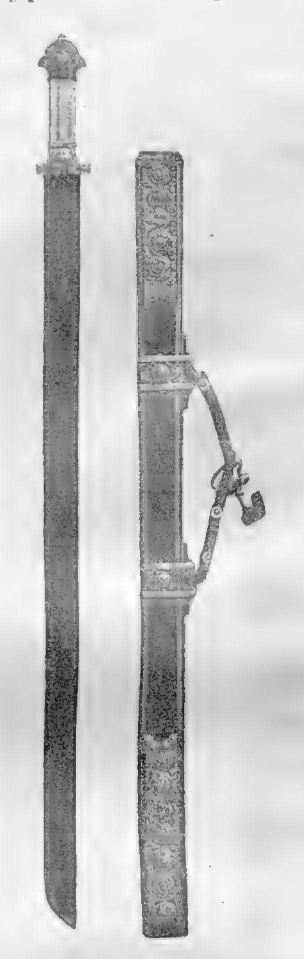
построили казармы. Шелковые образа служили украшением седел, округленные бурханы — снарядами для пушек, художественные переплеты книг — подошвами для обуви... Не неречесть варварств дикарей - китайцев... Последние, вероятно, действовали так еще и потому, что, по вторяю, в Тибете не было ни одного европейца, голос которого мог быть всегда услышан Европой.

Но китайская революция опять изменила положение вещей.

Тибетцы воспрянули духом. На призыв Далай-ламы, словно по мановению волшебного жезла, восстал весь Тибет. Несмотря на отсутствие скорострельного оружия и мало-мальски организованного войска (в настоящее время и то и другое отчасти имеется), одною силою духа китайцы были сломлены. Самое воинственное, лихое племя в Тибете — «Лоло» или «Поми», [1]) в деле освобождения центрального Тибета от китайских войск покрыло себя воинственною славою.

По выдворении китайцев, народ обратился с мольбою к Далай-ламе принять общее управление страною в его священные руки. Далай-лама, не колеблясь, согласился и, по торжественном в'езде в Лхасу, твердо вступил в роль верховного управителя Тибета.

Лучшая тибетская сабля.

[1]) В самом центре провинции Сычуань находится совсем не исследованная область в семьдесят миль шириною и в сто двадцать миль длиною, до сих пор еще сохранившая свою самостоятельность и дикую прелесть—это и есть уголок, принадлежащий Лоло. Об этой стране имеются лишь очень скудные сведения: мы знаем, что величественный хребет пересекает всю область с севера на юг, разбивая ее на две почти совершенно равные части; известно также, что на западе ближайшими пограничными китайскими городами являются: Хуили-чоу, Нин-гуен-фу, Личоу, Локу, Миеншань и Юех-си; на севере—ближайший город Опиен-тинг, на востоке—Маппен-тинг и Луппо, и наконец на юге—граница проходит по реке Ян-цзы-цзяну. Племя Носу иначе люди черной крови или попросту «Лоло», как их называют китайцы, представляют из себя независимый воинственный народ, предки которого вышли из Юнаньи

Внешними знаками далай-ламского достоинства, помимо золотой печати, служат: желтые носилки, желтый зонт и опахало из перьев хвоста павлина. Эти знаки употребляются при парадных шествиях, а при второстепенных—допускается и езда верхом, только с желтым зонтом, символизирующим солнечный круг.

и сыграли, кажется, немаловажную роль в исторических судьбах Китая. Впоследствии китайцы выделили лолосцев из своей среды и оттеснили их в отдельную область, где они пребывают и до сих пор, являясь болезненной раной в живом организме Китая. В своем стремлении покорить лолосцев, китайцы пока еще не достигли ни малейших результатов.

О религии Лоло сведения крайне скудны; некоторые из них поклоняются солнцу, другие вековым деревьям, иные же боготворят белоснежные вершины гор, прозрачные ледники, быстрые потоки и духов природы. По смерти лолосца, останки его сжигаются на костре, в присутствии родных и знакомых; сжигаются именно потому, что, по их поверью, всякому должно быть приятно совершить последнее и самое далекое путешествие в такой торжественной «огненной колеснице». После сожжения тела, пепел собирается в особую урну, которая и закапывается в землю; имя покойного записывается на бумажку, хранимую в общей фамильной корзиночке, играющей роль в религии племени Лоло. Глубокое стремление быть похороненным по обычаю своей страны заставляет лолосца по возможности не удаляться от своего жилища, а пускаться в дальнее путешествие только в сопровождении партии своих соплеменников.

В этой земледельческой стране, жертвою вероломства, погиб английский путешественник Брук, направлявшийся через Сычуань в Индию. Брук до конца стоял во главе своего маленького отряда, защищаясь до последней возможности... Но борьба была слишком неравной—один против ста... гибель неизбежна... Fergusson. «Adventures sport and travel on the Tibetan steppes» 1911.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из предыдущего явствует, что Россия, близко соприкасаясь с Монголией, систематически изучала эту страну и сблизилась с ней не только на почве торговых, но и политических интересов, послуживших России поводом, в нужный момент, поддержать Монголию в достижении ею прав на самостоятельное существование. Давая России возможность вывозить сырье и скот, Монголия в обмен получала от России предметы повседневного употребления, как-то: посуду — медную, жестяную, эмалированную, затем, железо, чугун, юфть, мануфактуру, ножи, ножницы и другие товары, и чем более Россия давала и будет продолжать давать Монголии таких товаров, тем русский рубль занимал и должен будет занимать в Монголии господствующее положение.

Что касается до Тибета, то последний из подражания Монголии, в трудные минуты обращал свой взор только к России: командировал посольства, посылал учащуюся молодежь для занятия в специальных технических школах, словом выказывал России симпатии. Русское Географическое Общество, через своих членов-путешественников хорошо осведомлено о Тибете, чувствует его симпатию и верит в искренность приглашения его сотрудников в столицу Тибета — Лхасу, для научной работы, для исследования природы и человека в Тибете.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ФОТОТИПИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ:

РИСУНКИ В ТЕКСТЕ.

